

АЛЬБЕРТ НАЛЧАДЖЯН

ЭТНОПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
САМОЗАЩИТА И
АГРЕССИЯ

Альберт Налчаджян

**Этнопсихологическая
самозащита и агрессия**

«Налчаджян Альберт Агабекович»

2000

УДК 159.9 (07)
ББК 88я73

Налчаджян А. А.

Этнопсихологическая самозащита и агрессия /
А. А. Налчаджян — «Налчаджян Альберт Агабекович»,
2000

ISBN 99930-53-03-1

К числу вечных проблем человечества относятся этнические конфликты. С тех пор, как на земле появились группы людей, говорящих на разных языках и претендующих на обладание определенными территориями, между ними возникли соперничество, конкуренция, конфликты и войны. Очень много человеческих жизней потеряно в этих, порой весьма ожесточенных и кровопролитных, столкновениях этнических общностей, а позднее – национальных государств. В данной работе мы намерены обсуждать главным образом особенности и разновидности этнических конфликтов, способы и стратегии их разрешения, агрессивное поведение сторон конфликта, а также другие механизмы психологической самозащиты этнических групп в ситуациях межличностных конфликтов. Проблема этнической самозащиты весьма слабо исследована, и здесь мы намерены высказать ряд суждений, которые могли бы в определенной мере продвинуть исследование этого важнейшего феномена в жизни этнических групп и многонациональных государств.

УДК 159.9 (07)
ББК 88я73

ISBN 99930-53-03-1

© Налчаджян А. А., 2000

© Налчаджян Альберт
Агабекович, 2000

Содержание

Предисловие	8
Часть 1. Конфликт, фрустрация, этнозащита	9
Глава 1. Социальные и этнические конфликты	9
§ 1.1. Соперничество, конфликт, кризис	9
§ 1.2. Разновидности конфликтов	10
§ 1.3. Этнические конфликты	12
А. Общая характеристика	12
Б. Различия расовых и этнических конфликтов	13
В. Комплексные (многомерные) конфликты	13
§ 1.4. Источники и условия этнических конфликтов	14
А. Первые контакты и сравнение	14
Б. От устойчивости к новым конфликтам	16
§ 1.5. Дифференциация групп и группоцентризм – предпосылки межгрупповых конфликтов	18
А. Группоцентризм и конфликты	18
Б. Сходство мотивов и характера – источник конфликтов	19
§ 1.6. Противоположные цели – одинаковые позиции	19
§ 1.7. Структура многоэтнических обществ и различные типы этнических конфликтов	20
А. Типы взаимоотношений этнических групп	20
Б. Различия этнических конфликтов в ранжированных и неранжированных обществах	21
В. Отношения этносов в сложных обществах	23
Г. Почему одновременно конфликтуют только две группы?	24
§ 1.8. Различие культур и этнические конфликты	25
§ 1.9. Новые этносы, новые конфликты	27
§ 1.10. Ошибочное понимание природы этнических конфликтов	28
А. Причины ошибок	28
Б. Дополнительные факторы сохранения межэтнических конфликтов	29
В. Разрешение, или только смягчение конфликтов?	29
§ 1.11. Суперэтносы и различия этнических конфликтов на Западе и на Востоке	29
§ 1.12. Конструктивная роль этнических конфликтов	33
А. О положительных функциях конфликтов	33
Б. Конфликт, самосознание и сплоченность этносов	34
В. Попытка синтеза разных подходов	35
Литература	37
Глава 2. Адаптивные процессы и стратегии	38
§ 2.1. Что такое адаптивная стратегия?	38
§ 2.2. Основные адаптивные стратегии личности	38
А. Предварительная адаптация	39
Б. Адаптация без изменения ситуации	39

В. Регрессивная адаптация личности	41
§ 2.3. Сочетание двух стратегий у этнической группы	41
§ 2.4. Групповая защитная адаптация	42
А. Групповая фрустрация	42
Б. Групповые адаптивные механизмы	43
В. О групповых защитных механизмах	43
Г. Социальный и этнический статусы и психическая защита	44
§ 2.5. Социальная реорганизация как попытка адаптации	44
§ 2.6. Соперничество этносов как фрустратор	45
§ 2.7. Соперничество этнических групп и страх перед исчезновением	47
А. Неизбежность соперничества	47
Б. Страх перед исчезновением	47
§ 2.8. Дискриминация и активизация этнической самозащиты	49
Литература	50
Глава 3. Этнозащитные механизмы и процессы	51
§ 3.1. Общая характеристика	51
А. Глобальная этническая самозащита	51
Б. Структурная этническая самозащита	53
В. Этническая картина мира и этнозащита	54
Г. Традиция и этнозащита	55
§ 3.2. Этнозащитная роль языка	56
А. Язык в процессе психической самозащиты (новая концепция)	56
Б. Об одном примере “лингвистической этнозащиты”	58
§ 3.3. Самозащита подвластных этнических групп	58
§ 3.4. Этнозащитные механизмы в художественном творчестве преследуемых народов	62
§ 3.5. Атрибуция и ее разновидности	62
А. Общая характеристика атрибуции	62
Б. Разновидности атрибуции	63
В. Основные ошибки атрибуции	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Альберт Агабекович Налчаджян
Этнопсихологическая самозащита и
агрессия. Учебное пособие для вузов

© Налчаджян А., 2000

Предисловие

К числу вечных проблем человечества относятся **этнические конфликты**. С тех пор, как на земле появились группы людей, говорящих на разных языках и претендующих на обладание определенными территориями, между ними возникли соперничество, конкуренция, конфликты и войны. Очень много человеческих жизней потеряно в этих, порой весьма ожесточенных и кровопролитных, столкновениях этнических общностей, а позднее – национальных государств.

К настоящему времени в научной литературе накоплен значительный материал об этнических конфликтах в разных странах, а также между странами. Ежедневно публикуются новые материалы, проводятся эмпирические, полевые исследования. Но, как верно заметил несколько лет назад один из крупных специалистов в области этнологии и этносоциологии Дональд Горовиц, то, что в настоящее время нам не хватает в этой области – не факты, не знания, а принципы, которые позволили бы классифицировать факты, описать структуру и текстуру межгрупповых отношений и объяснить особенности конфликтов. Причем нужны такие объяснения, которые были бы верными и в межкультурном контексте, и в различных культурах. Мы много знаем, но мало понимаем, у нас много фактов, но мало категорий.

Иначе говоря, следует создать теорию этнических конфликтов. Мы считаем, что в решении этой задачи значительную роль могут сыграть специалисты в области психологии личности, социальной и этнической психологии. В этих областях науки накоплены такие знания и теории, которые обладают значительным объяснительным потенциалом. Но этот потенциал пока еще недостаточно использован в области этнической психологии. Мы имеем в виду, в частности, теории малых и больших социальных групп; психологических и социальных конфликтов; теорию фрустрации и психологической защиты индивидов и групп; теорию когнитивного диссонанса и атрибуции и другие. Широкое применение могут иметь в этнопсихологии современные представления о человеческой агрессивности, ее разновидностях и преобразованиях, о сублимации и социализации агрессии. Проблема этнических конфликтов – проблема комплексная и ее теория может быть развита только при привлечении достижений целого ряда наук.

В данной работе мы намерены обсуждать главным образом особенности и разновидности этнических конфликтов, способы и стратегии их разрешения, агрессивное поведение сторон конфликта, а также другие механизмы психологической самозащиты этнических групп в ситуациях межличностных конфликтов. Проблема **этнической самозащиты** весьма слабо исследована, и здесь мы намерены высказать ряд суждений, которые могли бы в определенной мере продвинуть исследование этого важнейшего феномена в жизни этнических групп и многонациональных государств.

Часть 1. Конфликт, фрустрация, этнозащита

Глава 1. Социальные и этнические конфликты

Социально-психологическая теория этнических конфликтов должна опираться на теории психологических и социальных конфликтов. Поэтому наше обсуждение мы начинаем с краткого рассмотрения психологической теории конфликтов, с ознакомления с ее основными понятиями.

§ 1.1. Соперничество, конфликт, кризис

Для понимания природы социальных конфликтов следует иметь в виду, что, согласно современным представлениям (К. Левин, Ян Щепаньски, Д. Горовиц и др.), социальные конфликты являются частным случаем процессов **соперничества** личностей и социальных групп. Процесс соперничества состоит в том, что, имея сходные стремления, одни индивиды стараются быстрее других прийти к цели. Противоположным и тоже широко распространенным социально-психологическим процессом является **сотрудничество** социальных объектов (индивидов и групп). При сотрудничестве индивиды ставят перед собой общие цели и, путем взаимодействия и взаимопомощи, осуществляют их.

Когда же соперничество превращается в конфликт? Можно принять за основу следующее определение, предложенное в одной из работ известного польского социолога Яна Щепаньского: «Если в ходе соперничества проявится стремление ликвидировать конкурента или какую-либо его систему предметов и ценностей, то соперничество превращается в конфликт»¹. Расширяя данное определение, Ян Щепаньски разъясняет, что при социальных конфликтах индивиды или группы стремятся к достижению собственных целей «... путем устранения, уничтожения или подчинения себе другого индивида или группы, стремящихся к сходным или идентичным целям»².

В целом это именно то определение социального конфликта, которое принято в современных социальных науках. При обсуждении проблем этнических конфликтов мы будем придерживаться именно такого понимания конфликтных отношений индивидов и социальных групп.

Когда возникает конфликт, начинается **борьба** с целью достижения определенных результатов и одновременной нейтрализации противника. Стороны стремятся нанести друг другу вред, или уничтожить соперника, а это означает, что их поведение насыщено враждебностью и является агрессивным. Это определение принято многими. На его основе, как оказывается, можно плодотворно исследовать многие вопросы, касающиеся целей и мотивов конфликтов, средств их разрешения и других аспектов этих явлений.

Таким образом, уже из вышеприведенной характеристики видно, что, говоря о конфликте, мы имеем дело с очень распространенным социально-психологическим явлением. Но прежде чем перейти к обсуждению более специальных вопросов, уточним ряд других проблем.

¹ Щепаньски Ян Элементарные понятия социологии, М., 1969, с. 197.

² Щепаньски Ян Указ. соч., с. 200; Это определение фактически идентично принадлежащему Льюису Козеру определению, согласно которому конфликт есть борьба, целью которой является достижение своих целей с одновременной нейтрализацией, нанесением ущерба или ликвидацией соперников. См.: Coser L. The Functions of Social Conflict. Glencoe (Ill.): Free Press, p. 8.

Между индивидами и группами конфликты возникают не сразу и не всегда на таком уровне, когда уже ставится задача устранения, подчинения или даже уничтожения противника. На начальном этапе контактов индивидов или групп могут наблюдаться лишь **различия** взглядов, интересов или мотивов их поведения. Эти различия могут со временем стать **противоречиями** и уже на более высоком уровне соперничества – **конфликтом**. Между различными социальными группами конфликты возникают не только как столкновение целей, но и как столкновение средств. Такой конфликт имеет место тогда, когда индивиды или группы стремятся к различным целям, но вынуждены или хотят пользоваться одними и теми же **средствами**. Недаром во всем мире идет борьба за ресурсы, служащие усилению экономической и военной мощи, развитию науки, технологии и культуры.

§ 1.2. Разновидности конфликтов

На уровне отдельного индивида следует различать в первую очередь его **внутренние** и **внешние конфликты**. Под внутренним конфликтом понимают столкновение потребностей и мотивов, целей или мыслей во внутренней психической сфере личности. Например, когда человек в данное время, в “настоящем”, имеет две актуализированные потребности, мотивирующие его активность, но есть возможность удовлетворения лишь одной из них, налицо конфликт этих потребностей. Возникновение внутреннего конфликта, его развитие и ход его разрешения – это последовательность взаимосвязанных и детерминированных действий, т. е. **психический процесс**. Внутренние конфликты всегда в какой-то степени обусловлены внешними условиями жизни человека, возможностью удовлетворения его потребностей, наличием фрустраторов и стрессоров. Например, Зигмунд Фрейд раскрыл конфликты между различными “инстанциями” психической сферы личности, т. е. между “Оно”, “Я” и “Сверх-Я”³. Это целый мир столкновений и тонких внутренних процессов, участвующих в формировании и развитии личности и детерминации ее поведения.

Курт Левин предложил свою известную теперь типологию конфликтов, основываясь на том, что мотивированная своими потребностями личность или приближается к цели, или удаляется от нее, избегая встречи с ней. Человек переживает конфликт тогда, когда сталкиваются эти две основные тенденции его поведения. К. Левин выделил три типа таких конфликтов: а) конфликт типа “приближение – приближение”: в ситуации существуют одновременно два привлекательных объекта, но индивид должен произвести **выбор** между ними. Это ситуация “Буриданова осла”, который умирает от голода между двумя одинаковыми охапками сена; б) конфликт типа “избегание – избегание”, когда в ситуации даны два неприятных объекта и опять предстоит произвести выбор – это ситуация выбора “наименьшего зла”; в) конфликт типа “приближение – избегание”: есть приятный объект, который привлекает человека, но он в качестве оплаты за него вынужден выполнить неприятную работу; г) исходя из представлений теории личности и конфликтов К. Левина, исследователи Н. Миллер, а в дальнейшем Карл Ховленд и Роберт Сирс выделили четвертый “левиновский” тип, а именно: конфликт типа парных притяжений и отталкиваний. Это тот случай, когда наличные в ситуации цели неоднозначны по валидности, т. е. каждая из них обладает для личности как положительной, так и отрицательной значимостью (валентностью)⁴.

³ См.: Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции, М., “Наука”, 1989; его же: “Я” и “Оно” – в сб.: “Труды разных лет”, Кн. I, Тбилиси, “Мерани”, 1991, с. 351–392; Freud A. Das Ich und die Abwehrmechanismen. London, 1946; Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation, New York, 1958.

⁴ См.: Левин К. Типы конфликтов. В сб.: Психология личности. Тексты. Изд-во МГУ, М., 1982, с. 93–96; Lewin K. Dynamic Theory of Personality. New York, London, 1935.

В каждой из описанных конфликтных ситуаций человек должен произвести выбор между целями и линиями (или стратегиями) своего поведения. Это, может быть, самая характерная особенность конфликтных ситуаций.

Выдвинуты также **социологические теории конфликтов**: почти все видные социологи, начиная с 19-го века, интересовались проблемой **социальных конфликтов**, т. е. столкновений между социальными группами, слоями (стратами), организациями и т. п. В этой области известны концепции Георга Зиммеля, Льюиса Козера, Ральфа Дарендорфа⁵, “синтетическая концепция” Дж. Тернера и другие. Основная идея социологов-конфликтологов состоит в том, что представления функционалистов, в частности Талькота Парсонса, об устойчивости и равновесии социальных систем является утопией⁶.

Источниками социальных конфликтов считаются: неравномерное распределение власти, эксплуатация одних социальных групп другими, различия их интересов и целей, соперничество и другие. Все эти, порождающие социальные конфликты, силы считаются такими же важными механизмами социальной жизни, как и механизмы социализации и социального контроля, которым в социологических теориях всегда уделялось значительное место. Льюис Козер в числе причин социальных конфликтов большое значение придает таким психологическим факторам, как чувство лишения (привации и депривации), угнетение личности, осознание неравенства и другим. Правда, считается, что причины социальных конфликтов еще недостаточно исследованы.

В работах социологов исследуются типы конфликтов (например: реалистичные и нереалистичные), их острота (Л. Козер и Дж. Тернер перечисляют 23 фактора, влияющие на остроту социальных конфликтов), длительность и функции конфликтов в жизни общества (так, те же Л. Козер и Дж. Тернер описывают 15 функций социальных конфликтов)⁷, их последствия в виде таких изменений общества, как перераспределение власти и ресурсов между социальными группами. Следует отметить, что социологические теории конфликтов имеют большое значение для разработки теории этнических конфликтов.

Когда в реальных конфликтах индивидуального, социального и этнического уровней удастся усмотреть структуры описанных выше типов, тем самым открывается возможность использования для их анализа и разрешения научного аппарата, описанного авторами теорий и типологий конфликтов. Правда, конфликты реальной жизни порой так сложны, что в них переплетаются различные типы. Нет также уверенности в том, что уже известны все типы психологических, социальных и этнических конфликтов, а также их взаимные связи.

Следует, наконец, вкратце охарактеризовать еще несколько важных понятий теории конфликтов: напряженность, кризис и борьба.

Напряженность – это субъективное, индивидуальное или групповое, переживание наличия конфликта между сторонами А и Б. Если напряженность постоянна, то речь идет о сохранении неразрешенного и, быть может, неразрешимого конфликта. Напряженность может время от времени выливаться во вспышки гнева и агрессивности, а также могут активизироваться различные, порой даже патологические механизмы психической защиты.

Кризисом считается такая конфликтная ситуация, в которой применявшиеся до этого образцы поведения оказываются неэффективными: конфликт не разрешается, потребности сторон остаются неудовлетворенными. Наступает крайняя дезадаптированность партнеров. Если кризис имеет место внутри социальной или этнической группы, дело может завер-

⁵ Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford Univ. Press, 1959.

⁶ Тернер Дж. Структура социологической теории. Пер. с англ., М., “Прогресс”, 1985, с. 125–218.

⁷ Coser L. Continuities in the Study of Social Conflicts. New York, Free Press, 1967. (В этом сборнике собраны все основные работы Л. Козера по социальным конфликтам).

шиться ее распадом. В настоящее время кризисные ситуации существуют в бывшей Югославии, в Закавказье, некоторых регионах Российской Федерации и других странах мира.

Борьба является попыткой разрешения конфликта. Она, в зависимости от типа конфликта, может носить как внутриспсихический, так и социальный и межэтнический характер. Но борьба – не единственный путь разрешения конфликтов. В настоящее время в социальной и этнической психологии предметом исследования являются **переговоры** как путь к разрешению различных типов конфликтов. Ведение переговоров, достижение компромиссов и другие аспекты взаимодействия социальных и этнических групп – широкое поле исследования, особенно в наши дни, когда идут процессы превращения обществ, активные межэтнические и этнопсихологические процессы.

§ 1.3. Этнические конфликты

А. Общая характеристика

Этнический конфликт – специальный тип конфликта, возникающий между двумя этническими группами. Подобного рода конфликты обычно возникают тогда, когда эти группы соперничают ради каких-то ценностей: за территорию, богатство, власть, влияние и престиж, высокие социальные статусы. Этнические конфликты отличаются особой жесточечностью, что обусловлено целым рядом причин, среди которых ведущее место занимает вера в то, что этнические черты являются прирожденными и между членами этноса существуют родственные связи. Идентификация членов одного этноса с этой общностью так глубока и эмоционально насыщена, что межэтнические компромиссы труднодостижимы.

Этнические конфликты часто выражаются в виде борьбы между этносами за названные и другие ценности. Они возникают как между двумя этносами, живущими на разных территориях и имеющими свои национальные государства, так и внутри многоэтнических обществ и государств. По существу, это два разных подтипа этнических конфликтов, имеющих не только общие черты, но и существенные различия. Они, поэтому, должны исследоваться отдельно, разными методами.

Конфликт между двумя этносами может проявляться на различных социологических или, вернее, социально-психологических уровнях: а) на уровне двух личностей, представляющих эти этносы; б) на уровне двух групп. Например, могут конфликтовать две группы студентов, принадлежащих двум враждующим этносам. Могут конфликтовать две группы политиков, команды спортсменов. Бой между войсковыми группами враждебных этнических государств представляет собой конфликт на фазе вооруженной борьбы. Конфликт двух делегаций на переговорах тоже может представлять собой этнический конфликт, его конкретизацию; в) конфликт двух этнических сообществ, например когда одно моноэтническое государство объявляет войну другому. Таковыми были франко-немецкие войны, война между Ираном и Ираком в недавнем прошлом и др. Вполне понятно, что на этих различных уровнях проявления (признаки) конфликта и механизмы его разрешения различны. Если между двумя этносами возник конфликт вокруг важных ценностей, он обычно охватывает все названные выше уровни бытия этносов, хотя какие-то группы и индивиды могут и отклоняться от этого общего правила. Так, в годы армяно-азербайджанского конфликта 80-90-х годов определенные мафиозные группы торговцев двух наций даже сотрудничали друг с другом.

Этнические конфликты нашего времени, где бы они ни возникали, имеют общие черты, универсальность. На одну из них обратил внимание Д. Горвиц. Он указал на то, что вездесущность этого типа конфликтов позволяет их участникам стать членами широкого и уважа-

емого движения и учиться друг у друга. Их требования и стремления становятся сходными. Формируется очень простой и экономный язык для выражения целей этнических конфликтов. Это индивидуалистические идиомы, но они выдвигаются на коллективной, групповой основе⁸.

Б. Различия расовых и этнических конфликтов

Между этими типами конфликтов имеются существенные различия, хотя они нередко возникают вместе. Переплетаясь, они образуют более сложный **расово-этнический конфликт**. Конфликт между этносами еще больше усложняется, когда к расовым и этническим различиям добавляются еще и **религиозные различия**. Разрешение таких смешанных конфликтов – дело чрезвычайно трудное.

Уже наличие только расовых, антропологических различий является серьезной предпосылкой возникновения конфликтов. Достаточно вспомнить о конфликтах белых и негров в США. Но расовые, этнические и религиозные различия (как предпосылки конфликтов) для разных человеческих групп не совсем совпадают. Поэтому и различают три подвида конфликтов: этнические, расовые и религиозные.

Можно сформулировать следующий общий вопрос: бывают ли расовые или этнические конфликты “чистыми”, или же любой этнический конфликт является одновременно и расовым? В целом существует большое разнообразие этнических конфликтов, и в настоящее время, как заметили исследователи, нам нужны не столько новые факты, сколько новые концепции, категории и более глубокое понимание этих явлений.

Все же надо различать этнические конфликты от расовых. Для этого всегда надо учитывать, что обычно этнические группы в расовом отношении не являются однородными, т. е. состоят из представителей различных рас, а чаще всего – из индивидов, родившихся от их смешанных браков.

В. Комплексные (многомерные) конфликты

Бывают и комплексные (двумерные) этнически-религиозные конфликты. Такой конфликт имеет место, например, в Шри-Ланке, где соперниками являются тамильцы и сингальцы. Тамильцы проповедуют **индуизм**, а сингальцы являются **буддистами**. Буддийские монахи ведут активные проповеди против тамильцев.

В свое время сингальцы, проповедующие буддизм, уже предвидели возможность своего исчезновения как этноса и религиозной общины и начали борьбу против тамильцев. **Ожесточенный** характер конфликта между этими двумя этнически-религиозными общинами в значительной мере определяется именно сочетанием религиозных и этнических различий. В настоящее время на Цейлоне между этими общинами по существу идет борьба за взаимное уничтожение.

Такой же комплексный характер имеет конфликт между сербами и албанцами. При этом поражает примитивность подхода некоторых политиков к этой проблеме, при котором они стремятся свалить всю вину на сербов и отнять у них часть исконной этнической территории в пользу пришельцев, в свое время закрепившихся в Косово с помощью османцев-турок. В этом конфликте религиозный фактор все же берет верх. А вот в Боснии стороны конфликта – славяне: здесь конфликт носит религиозный характер.

Трехмерный конфликт имеет место тогда, когда к этническим и религиозным факторам добавляется, например, **экономический фактор**. А в общем конфликты этносов могут быть **многомерными**. Например, конфликт между Россией и Чечней фактически принял

⁸ См.: Horowitz D. Op. cit., p. 16.

многомерный характер и его смягчение требует многомерного же, комплексного подхода. Поскольку существуют христианская и мусульманская цивилизации, в подобных случаях можно говорить также о **столкновении двух цивилизаций**.

Многие из этих конфликтов происходят на границе между мусульманскими и христианскими государствами.

Правда, еще большему объединению сторон и обострению (а также глобализации) конфликта препятствует то, что нет единства ни в том, ни в другом лагере. Христианство не едино (в нем существуют православие, католицизм, протестантизм и другие направления). В исламе по многим вопросам нет согласия между шиитами и суннитами. Эти внутррелигиозные конфликты, в которых сторонами выступают этнические государства, являются как религиозными и моральными, так и политическими, а иногда и экономическими. Но когда обостряются конфликты между религиями и этносами (суперэтносами), эти внутррелигиозные различия в определенной мере отодвигаются на задний план.

Надо иметь в виду также существование **идеологических конфликтов** политико-социального характера. Например, между коммунистической идеологией (и соответствующими государствами, где эта идеология является государственной) и мусульманской или западной либерально-демократической идеологией безусловно существует конфликт. В настоящее время, например, возник конфликт между русской национально-государственной идеологией, стремящейся сохранить единство страны, и идеологией сепаратизма нерусских народов Российской Федерации. Ценности, за которые борются стороны, очень различны и несовместимы.

§ 1.4. Источники и условия этнических конфликтов

А. Первые контакты и сравнение

Леонард Вульф опубликовал еще в 1913 году следующий рассказ, который мы здесь приводим из книги Д. Горовица: индийский бог Кандешвами, которому поклоняются сингалыцы (один из этносов, обитающих на Цейлоне) сидит в своем жилище и смотрит на другой берег реки. У него появилось желание жить в той долине, которая там видна. В то время он был богом тамильцев. Вот проходит мимо группа тамильцев и бог просит их перенести его на другой берег реки. Они ему отвечают: “Господин, мы бедные люди, идем по берегу реки и собираем соль. Если сейчас мы не пойдем дальше, то скоро начнется дождь и вся наша работа пропадет даром. Вот на обратном пути мы перенесем тебя туда”. Бог недоволен этим ответом. Но вот появляется группа сингалыцев, они тоже собирают соль, но сразу же откликаются на просьбу бога и удовлетворяют его желание. После этого бог Кандешвами решает, что больше не будет богом тамильцев. Вот почему до сих пор, хотя это бог тамильцев, а его храм – индуистский, служащими в нем являются сингалыцы.

Так рассказывают сингалыцы. В рассказе проводится сравнение морали двух этнических групп. Тамильцы оцениваются как хорошие работники, но морально незрелые люди: они не понимают значение религии, они эгоцентричны. Сингалыцы же обладают обратными чертами, они великодушны и не такие узко расчетливые, как тамильцы. Бог сам решил, что сингалыцы – морально выше и ближе его сердцу.

Когда затем исследовали стереотипные представления сингалыцев о себе и о тамильцах, оказалось, что их взгляды очень близки к тем, что рассказывается о боге Кандешвами: они считают себя добрыми, великодушными, религиозными и хорошими людьми, но значительно более ленивыми, чем тамильцы. Последних же они считают жестокими, раздражительными, но упорными и трудолюбивыми.

Полезность анализа подобных рассказов в том, что они показывают: люди знают, что между этническими группами существуют различия по целому ряду черт. Обладая разными сочетаниями черт характера и темперамента, этносы соперничают ради получения более благоприятной моральной оценки. Соперничество возникает тогда, когда этнические группы оказываются на одной и той же территории. Живя и соперничая на одной территории, представители этих двух групп знали о своих психологических различиях, но им нужен был более авторитетный судья. Вот они и сочинили историю, где бог дает свое авторитетное заключение. А поскольку это бог тамильцев и осуждает тамильцев, то ему нельзя не верить.

Когда образуются общества, состоящие из двух или большего числа этнических групп, то после первых же контактов начинаются процессы сравнения и взаимной оценки. Вскоре появляются и стереотипы, которые закрепляются в памяти людей и в культуре (литературе, истории, устном народном творчестве) этносов. У каждой группы имеется целый ряд черт, которые должны получить свои оценки. Но в реальной жизни нет богов, а оценки необходимы, люди нуждаются в них для формирования представления о себе и других. Самооценки личности и уровень ее самоуважения зависят от многих обстоятельств, в том числе от того, к какой этнической группе она принадлежит. Поэтому этническая принадлежность, особенно на Востоке, играет огромную роль. Этнические оценки и самооценки получаются путем сравнения. И в борьбе за высокие оценки и благоприятное сравнение появляются этнические конфликты⁹. Это, по существу, социально-психологический подход к проблеме этнической самооценки и конфликтов, поскольку уже вводятся понятия социального сравнения, психологии морального развития и критериев психической зрелости.

Хотя конфликтологи часто критикуют функционализм, тем не менее мы считаем, что при исследовании этносоциологических и этнопсихологических процессов ценные результаты можно получить как при функциональном, так и при «конфликтном» подходе. Если функционализм сосредотачивает внимание на устойчивости общества, то социология и психология конфликтов рассматривают общество в его динамике, в столкновениях и борьбе. Поэтому при реальных исследованиях эти два подхода следует объединить.

Этнические конфликты не всегда проявляются остро и отчетливо. Они часто существуют подспудно и выражаются не в физических насильственных действиях, а в таких явлениях, как различные ограничения и запреты (например, в виде ограничения миграции, запрет жить в определенных районах и населенных пунктах, дискриминация при распределении государственных средств и т. п.). **Соперничество** этнических групп всегда свидетельствует о существовании между ними конфликтных отношений, которые могут быть подавленными (вытесненными) и подсознательными. Например, когда угнетенная этническая группа, не имея сил и власти, отклоняется от явного выражения своего недовольства и избегает явного конфликта, конфликт все же есть, но его стараются подавить.

Целью соперничества является перераспределение власти и ресурсов. Функциональное значение конфликтов именно в этом и состоит. Но поскольку не всегда разные способы и стратегии разрешения конфликтов приводят к успеху и неравные отношения этносов сохраняются, функциональный подход позволяет раскрыть причины сохранения существующего положения вещей (статус кво).

В ходе тесного взаимодействия, взаимных оценок и самооценок формируются определенные и относительно устойчивые этнические отношения, система этнической дифференциации.

В области исследования межэтнических конфликтов намечается плодотворное использование **теории социального сравнения**¹⁰. При первых же контактах этнические группы

⁹ См.: Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict, p. 143.

¹⁰ См.: Festinger L. A Theory of Social Comparison Processes. Human Relations, 7, May, 1954.

начинают сравнивать себя друг с другом, всегда имея желание в каких-то аспектах превосходить партнеров. Г. Тэджфел исследовал социальное сравнение на групповом уровне. Мы уже знаем результаты его исследований: группы могут образоваться даже на основе самых случайных различий от других групп. Как только появляется **групповая идентичность**, члены группы проявляют тенденцию действовать на ее основе и проявляют дискриминацию. Уже простая принадлежность к разным группам вызывает формирование различных установок к своей и другим группам, к их членам, даже враждебность к “чужакам”, появляется **группоцентризм**. Экспериментальные исследования Гэнри Тэджфела открыли ряд интересных социально-психологических явлений, важных и для этнопсихологии¹¹.

Сравнение групп выявляет их **относительную ценность**, которая, сочетаясь с их легитимностью, составляет то, что иногда называют **назначением группы**. Эти явления объясняют как поведение элиты, так и масс народа и такие психологические особенности этнических конфликтов, как их насыщенность, интенсивность групповых реакций, стремление групп к высоким статусам и т. п. Сравнивая себя друг с другом, группы стремятся представить результаты сравнения в публичных ритуалах самоутверждения. Конечно, возникновение и динамика этих конфликтов объясняются совокупностью большего числа факторов, но социальное сравнение и “чувство” своей легитимности, безусловно, играют значительную роль.

Б. От устойчивости к новым конфликтам

Теперь рассмотрим межэтнические конфликты начиная с той фазы взаимоотношений этносов, когда дифференциация и социально-психологическая дистанция уже установились. Теперь уже возникают новые изменения, которые приводят к межэтническим конфликтам. Эту проблему подробно рассмотрели Т. Шибутани и К. Кван, которые, обобщив проведенные исследования, указывают на ряд условий возникновения конфликтов: 1) члены этнического меньшинства начинают выражать недовольство своим положением в обществе. Существующие социальные институты являются результатом **межэтнической адаптации**. Но они теперь уже не удовлетворяют и стороны требуют пересмотра этих структур. Начинается новый этап межэтнических отношений; 2) требование изменений стимулируется влиянием **технических нововведений**. Меняется структура общества, возникают новые элитарные группы, меняется производство. Возникают новые специальности, исчезают старые, и если некоторые этнические группы имели характерные и традиционные для себя профессии, которые теперь не нужны, они могут в массовом порядке мигрировать даже в другие страны; 3) **меняется этнический состав общества**. Это зависит от миграционных процессов, разности в темпах роста в различных этнических сообществах, от количества смешанных браков и других этнических и социальных процессов; 4) **меняется плотность населения**, что оказывает непосредственное влияние на количество межэтнических контактов. Особый интерес представляет быстрый рост городов и появление мегаполисов, гигантских городов, этих своеобразных котлов смешения рас и человеческих типов. Большие города становятся могилами многих традиций. В такой среде внутриэтнические и родственные связи становятся значительно слабее, возникают новые формы поведения. Но нередко бывает и так, что в больших городах возникают и устойчиво сохраняются этнические анклав в виде городков и кварталов (например, китайский город в Нью-Йорке, армянские кварталы в Бейруте или в Фрезно и др.). Если доминирующая этническая группа не разрушает такие анклав, они могут сохраняться долго, даже веками. Но когда возникают острые этнические конфликты, такие анклав обычно исчезают или уничтожаются. Так, во время армяно-азербайджан-

¹¹ Tajfel H. Human groups and social categories: Studies in Social Psychology. Cambridge, Univ. Press of Cambridge (Mass.), London, New York a. o., 1981.

ских конфликтов 80-90-х годов XX века азербайджанцы ликвидировали армянский квартал в Баку – Эрменикенд. Они, видимо, долго ждали удобного случая; 5) на существующую структуру этнических отношений оказывают влияние также природные и социальные катастрофы: землетрясения, потопаы, массовое вторжение врагов, войны и другие. В таких ситуациях этнические признаки вытесняются на второй план и представители разных наций и рас объединяют свои усилия за свое спасение или ради разрешения общих проблем. Возникает своеобразная сверхэтническая, супернациональная мотивация поведения; 6) на взаимоотношения этносов глубокое влияние оказывают школьное образование, изменение уровня грамотности, обмен идеями между этносами. Например, когда образованные члены определенного этноса воспринимают идеи справедливости, равенства и демократии, они могут стать зачинателями национально-освободительной борьбы своего народа. Нация уже не может примириться со своим низким статусом и тем презрительным отношением, объектом которого до сих пор была. Идеи придают этносу или нации внутреннюю мощь, и когда доминирующая нация этого не понимает, начинаются конфликты и борьба.

Под влиянием всех этих факторов начинается период перехода из одного состояния общества в другое, пока не устанавливаются новые устойчивые отношения. Именно переходные периоды и полны конфликтов, напряжения и отсутствия взаимопонимания. Поскольку прежние отношения нарушены, люди зачастую не знают, какие ожидания могут предъявлять друг к другу¹². Это означает, что нарушены ролевые, в том числе **этноролевые** взаимоотношения.

В таких ситуациях наблюдается любопытное явление: продолжают выражать уважение к старым нормам и традициям, внешне проявляют конформизм, но по существу не принимают эти нормы и традиции, действуют не в соответствии с ними. Конформизм принимает внешний характер и многие все еще не рискуют выразить свои подлинные взгляды. В таких случаях возмущение и агрессивность подчиненного этноса постепенно усиливаются.

После окончания переходного периода одна система этнической дифференциации сменяется другой, обновленной системой. Нередко в таких случаях межэтническая стратификация заменяется классовой стратификацией. Этнические различия становятся второстепенными и люди начинают различать друг друга в первую очередь по социально-экономическим статусам. Параметрами таких статусов, как известно, являются не этнические или расовые признаки, а профессиональное занятие, доход, власть и авторитет.

Бывают случаи, когда социальная стратификация общества в основном сохраняется, но претерпевают изменения статусы входящих в нее этнических групп. Именно это имеет место в США. Т. Шибутани и К. Кван приводят пример ирландцев. В XIX веке они находились на низшей ступени социальной иерархии этой страны. Ирландцы выполняли самые презируемые виды труда. Но они постепенно улучшили свое положение, а их место заняли новые группы иммигрантов. Старые социальные статусы сохранились, но были заняты новыми людьми. Общество без структуры не бывает. Когда старая структура изменяется или разлагается, на ее фрагментах появляется новая.

Все эти вопросы мы лучше поймем после того, как в следующем параграфе рассмотрим различные типы структур многоэтнических обществ.

¹² См.: Shibusani T. and K. Kwan. Ethnic Stratification, pp. 343–351.

§ 1.5. Дифференциация групп и группоцентризм – предпосылки межгрупповых конфликтов

А. Группоцентризм и конфликты

Мотивация межгрупповых конфликтов сложна. Но в ней существенное место занимают открытые социальными психологами принципы дифференциации групп и группоцентризм (этноцентризм). Здесь мы вкратце опишем эти предпосылки и ситуацию конфликта, а к попыткам его разрешения путем переговоров обратимся в следующей главе, где рассматриваются адаптивные механизмы и стратегии разрешения межэтнических конфликтов.

В первую очередь следует упомянуть исследования социального психолога М. Шерифа, которые он проводил в летних лагерях школьников: в этих близких к естественным условиям экспериментах проявились все те основные факторы, которые вызывают конфликт и враждебность между группами: этноцентризм, стереотипизация, создание групповой солидарности и несправедливое распределение скудных ресурсов¹³.

Результаты, полученные М. Шерифом, подтверждены целым рядом других авторов¹⁴, проводивших свои исследования с различными, в том числе с производственными группами, члены которых имели возможность совместной работы и общения в течение 2–3 недель. Этим социальным психологам удавалось, используя технику, изобретенную М. Шерифом, разрешить возникшие конфликты и смягчить соперничество.

Когда создаются социальные или этнические группы, их члены начинают процессы сравнения с целью определения относительной ценности каждой из них. Формируются оценки других групп и самооценки. Группы образуются быстро, даже на основе небольшого числа признаков. В них появляются такие социально-психологические явления, как лояльность и конформизм к группе и идентификация с ней. Мы уже говорили о том, что, поскольку в межгрупповых отношениях большую роль играют сравнения, в этой области следует применить теорию социального сравнения, предложенную Л. Фестингером, хотя она первоначально была сформулирована для взаимоотношения индивидов. Но поскольку индивиды являются представителями групп или этнофорами, переход на групповой уровень не представляется трудным.

Предпосылкой межгруппового конфликта является и то, что каждый член группы желает, чтобы его группа была лучше и ценнее, чем другая группа (“они”). В результате такой мотивации появляются представления о том, что члены одной группы умнее, морально выше, трудолюбивее и т. п., чем члены другой группы.

Члены каждой группы подходят к членам другой с определенной долей подозрительности и формальности. Между группами возникает соперничество, их члены допускают в адрес друг друга колкие, оскорбительные выражения, что является свидетельством их агрессивности. Все это верно как для этнических групп, так и для социальных групп каждого этноса.

Подробно разработанная и эмпирически обоснованная концепция сравнения и разграничения групп создана Генри Тэджфелем¹⁵. С помощью экспериментов он доказал, что

¹³ См.: Sherif M. *Group Conflict and Cooperation: Their Social Psychology*. London, Routledge and Kegan Paul, 1966.

¹⁴ Sherif M., O. J. Harvey B. J., White, W. R. Hood and C. W. Sherif. *Intergroup Conflict and Cooperation: The Robbers Cave Experiment*. Norman: University of Oklahoma Book Exchange, 1961.; Sherif M. *Intergroup Relations and Leadership*. New York, Wiley, 1962; Austin W. G. and Worchel S. (eds.) *The Social Psychology of Intergroup Relations*. Monterey (Calif.): Brooks/Cole, 1979.

¹⁵ См.: Tajfel H. *Human groups and Social categories*.

группы могут создаваться даже на основе случайных различий. На их основе создаются категории, после чего появляются идентификации, внутригрупповая лояльность и дискриминация. Люди общаются преимущественно внутри своей группы и проявляют лояльность друг к другу. Спонтанно появляется также враждебность к другим группам. Простое признание имени или категории уже приводит к дифференциации групп. Членство в группе начинает играть решающую роль во всех оценках.

Дальнейшее обсуждение данной проблемы, в частности того, каким образом происходят переговоры между группами, проводится нами в следующей главе, посвященной способам адаптации этнических групп. Там же мы выскажем ряд идей о путях разрешения межэтнических конфликтов.

Б. Сходство мотивов и характера – источник конфликтов

Какие мотивы и черты характера партнеров способствуют возникновению между ними конфликтов? Под партнерами мы имеем в виду не только индивидов, но и социальные и этнические группы.

Очевидно, что в некоторых случаях предпосылками конфликтов являются различия мотивов и черт характера. Конфликтогенны особенно **противоположные** мотивы и черты характера. Так, если в ситуации совместной деятельности один из партнеров желает добиваться высоких производственных результатов, а другого этот мотив не интересует и он стремится как можно меньше работать и быстрее завершить работу, между ними конфликт неминуем.

Но есть немало других случаев, когда источником конфликта между индивидами или группами являются **сходные** мотивы и сходные черты характера. Это возможно потому, что **люди, имеющие, например, сходные черты, часто стремятся к одинаковым целям и оказываются соперниками**. Это, по-видимому, верно не только для индивидов, но и в случае социальных и этнических групп и даже государств. Например, в настоящее время как США (и НАТО), так и Россия, стремятся стать гегемонами в Закавказье. Сходные намерения порождают соперничество и конфликт. Правда, эти этнополитические процессы так сложны, что в них причинами конфликтов могут стать одновременно как группа сходств, так и группа различий, одновременное стремление к партнерству и соперничеству, различия возможностей (например, технических и финансовых) и т. п.

Более простым является случай двух шахматистов, которые стремятся стать чемпионами мира (имеют одинаковые притязания) и поэтому соперничают. Одновременно у них могут быть различия, например, в стратегии, тактике и стиле игры, в моральных принципах и т. п. Обсуждаемое явление хорошо видно во время президентских выборов в демократических государствах, когда соперники стремятся к одной и той же цели и, для достижения победы, стремятся даже дискредитировать друг друга. Это типичный конфликт.

Роль сходств между мотивами, чертами характера двух этносов или национальных государств в порождении межэтнических конфликтов подлежит доскональному исследованию. Мы считаем, например, что два соседних и одинаково агрессивных этноса конфликтуют чаще, чем в том случае, когда по уровню агрессивности они заметно различаются.

§ 1.6. Противоположные цели – одинаковые позиции

Казалось бы, противники в межнациональных и межгосударственных конфликтах, преследующих противоположные цели, не могут иметь одинаковые позиции по важным вопросам, касающимся их интересов. Но в **дипломатической войне** это явление нередко

встречается. Оно казалось парадоксом, пока мы не добились понимания его причин. Приведем пример из политической истории.

Когда кончилась первая балканская война 1912–1913 гг., началась война дипломатическая за упорядочение создавшегося нового положения вещей. Совещание послов держав было организовано в Лондоне. Развернулась борьба между Турцией и ее противниками. «Победители требовали, чтобы границей Европейской Турции стала линия Мидия-Родосто; они настаивали на сдаче все еще сопротивлявшегося Адрианополя и на отказе от островов Эгейского моря. По этим двум последним вопросам Турция не шла ни на какие уступки. По вопросу об Адрианополе Россия и Австрия оказались на одинаковой позиции. Странно, но такое единство взглядов было порождено ожесточеннейшим соперничеством. Обе державы ратовали за интересы Болгарии, претендовавшей на Адрианополь. Россия поддерживала болгарские притязания, дабы предотвратить переход Болгарии в австро-германский лагерь; не менее энергично выступала за Болгарию и Австро-Венгрия, чтобы оторвать ее от России. Таким образом, русская и австрийская дипломатии, преследуя противоположные цели, заняли одинаковые позиции. В дальнейшем развитии балканского кризиса встретятся и другие примеры подобного дипломатического “сотрудничества” между злейшими врагами”¹⁶.

Сходное явление мы наблюдаем и в настоящее время: как Россия (с одной стороны), так и Турция и ее союзники, с другой, стремятся угодить Азербайджану, но – исходя из различных целей.

Итак, в структуре этнических конфликтов **цель и позиция** противников – разные явления, что и следует учесть во время попыток разрешения таких конфликтов.

§ 1.7. Структура многоэтнических обществ и различные типы этнических конфликтов

А. Типы взаимоотношений этнических групп

Этнические группы, входящие в одно общество, могут быть ранжированными или неранжированными. На рис. 1 показаны два случая взаимоотношений этносов А и Б. На рис. 1а показано ранжированное отношение, а на рис. 1б – неранжированное или параллельное. Стрелки показывают направление или ход этнического конфликта между А и Б. Упрощение ситуации состоит, в частности, в том, что предполагается, будто в обществе есть только две этнические группы. Считается, что в ранжированном обществе классы проникают в оба этноса. Это тоже, конечно, упрощение. Но схема, все же, полезна¹⁷.

Рис. 1а. Ранжированные группы

Рис. 1б. Неранжированные группы

Рис. 1. Два типа структуры многоэтнических обществ

¹⁶ История дипломатии. Под ред. академика В. П. Потёмкина. II т., М., ОГИЗ, 1945, с. 228. См. также: Могилевич, Айрапетян. На путях к новой войне. М., 1940.

¹⁷ Схема взята нами из следующей работы: Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict, New York, 1985, p. 22.

В **ранжированных** общественных системах стратификация синонимна этническому членству. Мобильность ограничена рамками этноса. По всем своим социальным, экономическим и политическим статусам члены группы Б ниже членов группы А. Взаимоотношения этих групп проникнуты осознанием субординации статусов. Представители подчиненного этноса относятся к вышестоящим с подчеркнутым уважением. (Отметим, что такое отношение специально культивировалось, например, в Оттоманской империи). Примером могут служить отношения негров и белых хозяев в США. Много сходных отношений этносов до сих пор сохраняется на Востоке: в Индии – отношения каст, в Бурунди – между народностями туту и тутси, и другие. Примеров очень много.

В **неранжированных** обществах этнические группы существуют рядом друг с другом, параллельно, и каждая из них имеет свою внутреннюю стратификацию. Параллельные этнические группы являются **зарождающимися** целостными обществами и, возможно, в прошлом уже были более или менее автономными целостными системами. В то время как касты являются компонентами ранжированного общества, состоящего из других сходных компонентов, роды и племена являются относительно самостоятельными и гомогенными системами. (Под кастой имеются в виду ранжированные этнические группы). В Индии есть касты, которые стали неранжированными группами.

Эти различия между ранжированными и неранжированными системами заметил еще Макс Вебер, который назвал иерархически упорядоченные группы “кастовой структурой”, а этническим сосуществованием – параллельные группы. Он указал, что в первом случае горизонтальные и не связанные друг с другом, сосуществующие группы приводятся в вертикальную социальную систему супер- и субординированных. Из этнически разрозненных групп образуется единая политическая и общественная система.

Следствием является то, что в параллельной системе этнические группы вызывают друг у друга отвращение, антипатию, но сохраняют и высоко оценивают свою честь, тогда как в кастовой системе создается субординация, а привилегированным этническим и статусным группам приписывается больше чести¹⁸. Распределение престижа (честь и гордость) является главным различием, считал М. Вебер. В ранжированных обществах неравенство престижа этнических групп не только признается, но и дополняется и усиливается целым рядом запретов и предписаний поведенческого характера. В неранжированных обществах относительная ценность групп всегда неопределенна, она всегда является проблемой обсуждения¹⁹. Кастам же престиж, честь приписывается по рождению, она считается как бы внутренним качеством²⁰.

Реальные общества никогда не являются чистыми типами. В них всегда имеются и ранжирование, и параллельное сосуществование, и даже “ареалы этнической автономии”²¹. Каждый из этих двух типов обществ находится в состоянии вечных изменений.

Б. Различия этнических конфликтов в ранжированных и неранжированных обществах

Различия этих двух обществ приводят к существенным различиям тех этнических конфликтов, которые в них возникают. Поскольку в ранжированных обществах, как уже сказано, границы этнических групп в значительной мере совпадают с классовыми границами, кон-

¹⁸ См.: Gerth H. H. and C. Wright, Mills (Eds). From Max Weber: Essays in Sociology. New York: Free Press, 1958, p. 189; Horowitz D. L. Op. cit., pp. 23–24; см. также: Brown R. Social Psychology (2nd Ed.), The Free Press, New York, 1986, Ch. 15.

¹⁹ Horowitz D. L. Op. cit., p. 24.

²⁰ См.: Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. – История Индии., Изд-во “Мысль”, М., 1973, с. 35–37.

²¹ Horowitz D. L. Op. cit., p. 25.

фликты окрашены классовыми идеями. Во время войн эти конфликты приводят к социальным революциям. Считается, что после получения независимости в Руанде (1959 г.) и Занзибаре (1964 г.) вспыхнувшие революции выросли из ранжированных этнических систем. В результате этих революций ранее доминировавшие группы были свергнуты.

Неранжированные системы тоже очень чувствительны к конфликтам и насилию, но здесь группы преследуют другие цели. Как заметил один из исследователей, неранжированные этнические группы действуют так, как будто они – государства в интернациональном окружении²². Например, события в Чечне, Татарстане и ряде других регионов России довольно точно соответствуют этим представлениям.

Отношения элитных групп этносов принимают характер дипломатических: они действуют так, как будто представляют суверенные государства. Они ведут переговоры, даже заключают соглашения. Параллельно существующие этносы составляют уже не целостное общество, а относительно изолированные общества, в то время как ранжированная система является единым обществом. Такое положение вещей в значительной степени сложилось в современной России.

В неранжированной системе этносы, конечно, чувствительны к вопросам субординации, но их больше волнуют вопросы выхода и входа в единую систему. Когда между ними возникают конфликты и насильственные действия, они стремятся к **суверенитету**, утверждают, что являются **нациями** и хотят иметь национальные государства, вытесняют другие этнические группы, лишают их власти, преследуют и даже истребляют их. Они стремятся к этнически гомогенному состоянию. В этой связи интересны те этнические процессы, которые имели место в Азербайджане начиная со второго десятилетия 20-го века, и особенно с конца 80-х годов.

Надо иметь в виду, что когда стремление к этническому однородству и насильственным действиям проявляют небольшие или прежде угнетенные этносы, то такое их поведение является следствием фрустрации. Они тоже могут перенести свою агрессию на более слабые этнические и другие группы. В современной России есть этнические территории, на которых создалась именно такая ситуация, вследствие чего над страной нависла опасность распада. Мы уже говорили о наиболее опасных очагах этих этнических процессов. Но этнопсихологические знания пока что не находят применения в политике. Россия, по видимому, идет к преобразованию в неранжированное общество, в котором этнические конфликты затемняют классовые, препятствуют их появлению. В отдельных этнических сообществах такого общества будет усиливаться тенденция подавления классовых конфликтов, поскольку их свободное проявление приведет как минимум к двум нежелательным последствиям: а) к классовой солидарности членов различных конфликтующих этнических групп; б) к конфликтам различных подгрупп одной этнической общности, к их антагонизму. И то, и другое приводит к ослаблению внутриэтнической солидарности, а это в ситуации вспыхнувшего конфликта двух этносов уже опасно. Именно поэтому в основном можно согласиться с выводом этносоциологов о том, что в неранжированных обществах этнические конфликты идут рука об руку с консервативной политикой²³. Правда, состояния и социальные процессы в реальных обществах очень сложны и этнические конфликты могут сочетаться с попытками проведения прогрессивной политики. Ясно одно: этнические конфликты как в ранжированных, так и в неранжированных многоэтнических обществах очень сложны и вышеописанное является лишь их весьма приблизительным эскизом. Нужны новые исследования.

²² Hudson M. C. The Precarious Republic: Political Modernization in Lebanon. New York: Random House, 1968, p. 9; Horowitz D. L. Op. cit, p. 31.

²³ Horowitz D. L. Op. cit., p. 32.

В. Отношения этносов в сложных обществах

Этнически сложным мы называем такое общество, в котором этнические группы, во-первых, ранжированы вертикально и, во-вторых, есть этносы с одинаковыми статусами, т. е. с горизонтальными отношениями. Иначе говоря, в сложных полиэтнических обществах сочетаются вертикальная и горизонтальная структуры. Причем эти структуры могут образоваться по различным признакам (критериям). Так, в Гвиане и Тринидаде существует традиционная ранжированная система по цвету кожи (белые, коричневые, черные), а рядом с этой системой – неранжированные восточноиндийские этнические группы.

В Мавритании мавры составляют целый ряд ранжированных групп, и здесь же живут неранжированные группы черных африканцев.

В Индии этническая и социальная системы очень сложны и консервативны. Но и здесь всегда сохраняется возможность вспышки конфликтов.

В ранжированных системах наблюдается тенденция к **горизонтализации** существующей вертикальной системы, и такая тенденция приводит к конфликтам. В одних странах такие изменения происходят быстро, в других же – очень медленно. Так, в Индии кастовая система традиционная и очень устойчивая, поэтому изменения происходят очень медленно. В таких странах имеет место гибкость в рамках жесткости. Указанная тенденция наблюдается во всем мире, так как **субординационные отношения этносов считаются устаревшими и, главное, незаконными**. Распространяется демократическая идеология, согласно которой ранжированные системы не имеют будущего. Правда, предполагается что горизонтализация межэтнических отношений должна произойти в рамках единого общества с тем, чтобы соблюдался принцип нерушимости границ.

Но существует и обратная тенденция и об этом мы уже говорили: если в полиэтническом обществе статусы всех этносов равны и, следовательно, отношения горизонтальные, появляется **тенденция к вертикализации**: наиболее сильные этносы стремятся повысить свой статус и подчинить себе остальные группы. Именно поэтому реальные общества обычно являются сложными, вертикально-горизонтальными и в них всегда существует возможность межэтнических конфликтов.

В подобных обществах исследователи наблюдали явление **переноса агрессии нижестоящих групп** (в ранжированной подсистеме) на те горизонтальные (параллельные) группы, которые находятся вне этой подсистемы. Это интересное явление мы подробно исследуем в последующих главах настоящей книги.

Но здесь отметим более широкую проблему, которая подлежит исследованию в этносоциологии и этнопсихологии: **каким образом в сложных обществах взаимодействуют их вертикальные и горизонтальные подсистемы?**

В сложных обществах описанного типа значительно больше конфликтов возникает между параллельными (горизонтальными) группами, чем в ранжированных обществах, что, по-видимому, является следствием только что упомянутого механизма переноса агрессии. Такая ситуация была характерна, например, для СССР, где, к примеру, взаимоотношения русские – армяне и русские – азербайджанцы были более мирными и дружескими, чем армяно-азербайджанские отношения. Можно предположить, что часть агрессии, которая у этносов с низким статусом возникает в вертикальной системе, переносится на систему горизонтальных отношений. Сходные процессы происходят и в других обществах, например, в США, Индии, Шри-Ланке и других. Если одновременно с межэтническими существуют также межклассовые и межкастовые отношения, для гибкого преобразования агрессии появляется больше возможностей.

Однако, исходя из политических целей, параллельные группы могут создать коалиции для совместного освобождения от власти доминирующей группы. Примером может служить союз трех прибалтийских государств (Латвии, Литвы и Эстонии) в начале 90-х годов с целью выхода из состава СССР, где доминирующим, безусловно, был великорусский этнос. В таких случаях, по-видимому, можно наблюдать интересные **процессы преодоления или сублимации межэтнической агрессии**, иначе такие союзы были бы невозможны. Есть еще один путь сближения угнетенных этносов: чтобы заключить между собой союз, эти этносы стараются обнаружить друг у друга сходные черты.

Можно предположить, что если верна общая закономерность, согласно которой межэтнические конфликты способствуют изменению общества, то эта функция конфликтов должна иметь различия в описанных трех типах обществ: ранжированных, горизонтальных и сложных. Эта проблема тоже требует дальнейших исследований. В настоящее время трудно сказать, какая из этих систем более устойчива, но очевидно, что неранжированные системы обеспечивают более широкие возможности вертикальной мобильности людям, чем ранжированные или даже сложные. Поэтому подчиненные группы разными путями стремятся улучшить свой ранг или добиваться равного статуса для всех. Но на этом пути возникает много конфликтов.

Г. Почему одновременно конфликтуют только две группы?

Вкратце рассмотрим обнаруженный этносоциологами интересный феномен: в одном многоэтническом обществе, на одной территории могут жить три и больше этносов, но обычно за определенный отрезок времени конфликтуют друг с другом только две из них. Возникают дихотомии. Примеров этого явления очень много. Так, на Цейлоне, когда конфликтуют сингалы и тамилы, мавры в их столкновениях не участвуют. Точно так же, когда в Индии конфликтовали ассамцы и бенгалцы, остальные этносы не вмешивались. Когда в 90-е годы в России начались конфликты русских и чеченцев, многие другие нации остались достаточно пассивными наблюдателями. Конечно, нет железного закона “дуальности” этнических конфликтов, но часто имеет место именно то, что мы сказали. Д. Горовиц считает, что возможно такое объяснение: опасно иметь одновременно несколько конфликтов, поэтому “этносы экономят свою антипатию” (Указ. соч., с. 182). Лидеры этносов и особенно многоэтнического общества, по-видимому, думают, что одновременно лучше сосредоточиться на одной проблеме. Но возможно и другое объяснение, которое тоже встречается в литературе об этнических конфликтах: лидеры в своих призывах обращают внимание главным образом на дихотомические аспекты взаимодействия этносов. Больше внимания привлекают полярные типы поведения. Как очень верно заметил Д. Горовиц, “Пары антагонистов выступают в качестве компаративных референтных групп” (Там же, с. 182). Имеет место поляризация, упрощение образов сторон конфликта, что способствует использованию стереотипов при описании их поведения. Именно это мы видим в суждениях европейских и других посредников о сторонах карабахского конфликта. Результатом такого упрощения является то, что некоторые называют армян агрессорами, тогда как имеет место обратное.

Явление одновременного столкновения только двух этносов очень четко наблюдается на Кавказе в 80-90-е годы нашего века. Конфликты русские-чеченцы, грузины-абхазцы, армяне-азербайджанцы и другие обычно следуют один за другим. Они редко обостряются одновременно. Один дихотомический конфликт прекращается, становится подспудным, и только потом вспыхивает другой. Как будто эти группы ждут своей очереди, чтобы начать представление. Интересно, есть ли здесь сознательный расчет, или же этнические группы и их лидеры действуют по не зависящим от воли и сознания людей причинам и механизмам. Возможно, что они ждут ослабления партнеров предыдущего конфликта, чтобы затем

выступить на социальной сцене в более благоприятных для себя условиях, с более сильных позиций? Ясно, что в этой сфере еще много неисследованных проблем, в том числе психологических.

Чего ждут этносы от разрешения своих конфликтов? Каждая из сторон имеет собственные ожидания, причем эти ожидания и требования обычно **асимметричны**. Одни группы требуют доминирования с полным вытеснением другой стороны из политической жизни. Есть также группы, которые требуют только равного участия в политике, в разделении и применении власти. Политические требования этнических групп могут быть шкалированы, начиная с **равенства**, через **преимущество** к **исключительности**. На этой оси требования сторон могут меняться в ходе борьбы и переговоров. Но если требования сторон асимметричны, трудно добиться согласия.

§ 1.8. Различие культур и этнические конфликты

Существует распространенная точка зрения, согласно которой культурные различия этносов приводят к их конфликтам. Эта концепция была разработана на основе исследования колониальной практики в Азии, где на обширных пространствах жили азиаты-аборигены, азиаты-эмигранты и европейцы-колонизаторы. В этой концепции, развитой Дж. Ферниволом и М. Смитом, имеются представления о роли культурных различий в политике этнических отношений. Названные выше этнические группы общались только для торговли, встречались только на рынке, т. е. их отношения были только экономическими. Наблюдалась экономическая специализация этносов. У этих народов не было общих ценностей, у них не было “общей воли”. Такие общества сохранялись только благодаря насилию и были нестабильными.

Под **культурой** эти авторы, особенно Смит, понимают социальную организацию, убеждения и системы действий: именно эти элементы, по его мнению, составляют “ядро” культуры. Под **культурным плюрализмом** он понимает не только культурную гетерогенность, наличие нескольких культур (систем), но и различие базисных “компульсивных институтов”²⁴.

М. Смит считал, что в таких сложных обществах одна этническая группа обязательно должна быть доминантой, т. е. такие общества должны быть ранжированными. Поскольку у этносов, из которых состоит такое общество, нет общих ценностей, нужны сила и субординация для удержания их в одном обществе. Такие общества всегда чреваты конфликтами. Культурная несовместимость делает подобные образования нестабильными. В них всегда есть доминантный сектор. Эти авторы не считали возможным существование неранжированных обществ.

В различных этнических секторах таких обществ существуют разные ценности, поэтому одни и те же события оцениваются ими по-разному, они по-разному интерпретируются. Именно несогласие о ценностях и считается источником конфликтов.

Эта теория, как бы она ни была содержательной, все же не содержит указаний на конкретные механизмы возникновения конфликтов вследствие различий культур и морали. Понимание культуры в этой теории недостаточно дифференцировано. Ведь не все аспекты культуры обладают одинаковой потенцией порождения конфликтов. Это обстоятельство отмечают и другие авторы.

Сходство ценностей, согласие о ценностях тоже может стать причиной конфликта между этническими группами. Так, если два этноса согласны в том, что политика является

²⁴ Smith M. G. The Plural Society in the British West Indies. Berkley and Los Angeles: Univ. of California Press, 1965; Furnivall J. S. Colonial Policy and Practice. London: Cambridge Univ. Press, 1948.

искусством доминирования, то оба они будут стараться доминировать, что и порождает конфликт. (Д. Горовиц, Указ. соч., с. 138). Важно учесть также реальное содержание культурных норм (а не только формальное согласие или несогласие по их поводу), формы политической организации, преобладающий стиль лидерства и другие факторы.

Различия ценностей не всегда приводят к конфликту, так как они предотвращают столкновение интересов этнических групп, удерживая их в разных секторах экономики, показывая различные пути удовлетворения потребностей. Кроме того, в этнически сложных обществах существуют социальные институты, удерживающие все группы вместе. Игнорировать ими нельзя.

Сила конфликтов, их интенсивность тоже зависит от различий этносов. Исходя из здравого смысла можно было бы думать, что более интенсивными и агрессивными будут те конфликты, которые возникают между очень сильно различающимися этносами. Оказывается, что во многих случаях имеет место обратное. Представляет интерес точка зрения, согласно которой **самые острые конфликты возникают между теми группами, которые очень мало отличаются друг от друга**. Почему это так?

Считается, что если группы во многих отношениях сходны, их сравнение облегчается. Обнаруживаемые маленькие различия вызывают критику, которая по существу есть самокритика²⁵.

Но, спрашивается, почему именно и только малые различия вызывают сравнение. Ведь большие, даже полярные различия тоже могут стать основой для сравнения. Отметим, что сторонники этой концепции исходят из теории нарциссической личности психоаналитиков.

Это явление – значение малых различий – видно и при оценке других индивидов и самооценке: сравнивая себя с представителями своей нации (этноса) и, наряду с крупными сходствами, замечая небольшие различия, люди переживают **зависть и фрустрацию**. Появляется желание действовать агрессивно. Когда же сравнивают себя с представителями других этносов, то различия оказываются такими большими, что сравнение теряет смысл.

Таким образом, как ни парадоксально, армяне больше завидуют другим армянам, русские – русским, французы – другим французам и т. п. Правда, если эти различные этносы живут рядом и часто общаются, их взаимная зависть может быть такой же интенсивной, как и при внутриэтническом сравнении. Эти чувства тоже лежат в основе агрессивного поведения и приводят к конфликтам и насилию. Например, изучение армяно-турецких отношений показывает, что турков стимулировала к агрессивным действиям, наряду с другими факторами, зависть к трудолюбию армян, которые даже в чрезвычайно трудных условиях сумели создать благополучие. Завидовали турки также более высокому уровню цивилизации армян, греков и других народов, с незапамятных времен живущих в Малой Азии и в Закавказье.

Неравномерность модернизации этнических сообществ – еще одна причина возникновения конфликтов. Считается²⁶, что этнические конфликты являются реликтами устаревшего традиционализма и осуждены на вытеснение процессом модернизации: они являются препятствием на пути к модернизации, поэтому и модернизация невозможна без этнических конфликтов.

Модернизация есть переход от традиционного к современному образу жизни. Старые формы поведения заменяются новыми, появляются средства массовой коммуникации, в промышленности совершается переход к новейшим технологиям. На этом пути и возникают конфликты. Этнические группы соперничают в современных областях производства и между ними возникают столкновения. Пользуясь многими благами модернизации, люди, тем не менее, с целью самозащиты обращаются к помощи этничности. У людей одинаковые

²⁵ См.: Allport G. The Nature of Prejudice. Garden City, New York: Anchor Books, 1958, p. 132.

²⁶ Такую точку зрения высказал, например, М. Дойч.

(конвергирующие) потребности и, соперничая ради их удовлетворения, они конфликтуют между собой. Правда, не объясняется, **почему эти конфликты являются этническими, а не классовыми**. Поскольку амбиции этносов одинаковые, а уровни их модернизации разные, конфликты между ними неизбежны.

Правда, однако, в том, что каждый этнический конфликт имеет целую группу **конвергирующих мотивов**. Любая теория, абсолютизирующая одну или небольшую группу из них, искажает суть дела.

Во время конфликтов борьба развертывается главным образом между этническими элитами, но массы народа их поддерживают. Это тоже требует объяснения: почему?

Короче говоря, в ходе модернизации современных обществ имеет место соперничество этнических групп ради статуса, за материальные и духовные блага, за бо́льшую возможность получить образование и другие ценности. Этнические группы, оказавшиеся в неблагоприятном положении, **стремятся к созданию новой социальной стратификации**. Это попытка структурной адаптации.

Теория модернизации, однако, не может объяснить, почему немало этнических конфликтов возникает в тех странах, где о модернизации речи быть не может, не говоря уже об этнических конфликтах прошлых веков. На самых различных уровнях развития могут наблюдаться различные уровни мобилизации этносов, их социальной активности. Именно этнические различия по уровню мобилизации могут стать предпосылками их конфликтов. Только элита этнической группы, преследуя свои цели, не могла бы привести в движение всю группу, если бы у последователей не было своих мотивов участия в движении. Народом можно манипулировать тогда, когда он имеет в этом свой интерес и позволяет манипулировать собой. Элита, ведущая за собой народ, может действовать успешно лишь при условии учета хотя бы части интересов народа.

§ 1.9. Новые этносы, новые конфликты

Мы видели, что многие этнические конфликты являются воспроизведением в новых условиях старых и неразрешенных конфликтов. Однако не все конфликты являются остатками и воспроизведением старых антагонизмов народов. И в настоящее время идут этногенетические процессы, возникают новые этносы, следовательно возникают и совершенно новые конфликты. А некоторые старые конфликты могут терять остроту, менять свое направление и т. п.

Мы полагаем, что может иметь место перенос конфликтной установки и агрессивности на новых соперников, тем более, что часть конфликтов индивидов и групп является проекцией внутренней конфликтности на внешний мир. Если, например, между доминирующим и одним из подвластных этносов в этнически ранжированном обществе существует конфликт, и если слабому этносу удастся уйти из системы этих взаимоотношений, доминирующий этнос может найти новый объект для проявления своей доминантности и агрессивности. Происходит замена (субституция) объекта агрессии, т. е. выбор нового “козла отпущения”. Агрессия и другие установки, которые возникли у доминирующего этноса вследствие его фрустраций, переносятся на новый объект. Есть доминирующие и агрессивные этносы, которым просто как источники энергии и вдохновения нужны конфликты. Иначе как объяснить то, что слишком сильные народы ищут для себя проблемы далеко за пределами своей страны?

Замена одного подчиненного этноса другим напоминает открытый в области социометрии факт: изолянты и вытесняемые являются “козлами отпущения” для тех членов групп, которые занимают более высокие социометрические статусы. Но когда они уходят, инди-

виды с высокими статусами ищут новых “козлов отпущения” внутри своей группы и обычно находят их.

§ 1.10. Ошибочное понимание природы этнических конфликтов

А. Причины ошибок

В больших и малых империях XX века, особенно перед их крушением, признается, что **чувство этнической принадлежности** существует и обладает определенной силой. Однако долгое время сохраняется ошибочное понимание причин этнических конфликтов, что, конечно, не способствует их разрешению. Эти искажения появляются или вследствие незнания, или же намеренно. Утверждается, будто в возникновении этнических конфликтов виноваты не этнические различия и их осознание представителями этнических групп, а другие факторы: упорное сохранения традиций (традиционализм), стрессы, вызванные процессом модернизации общества, или же классовые конфликты, маскирующиеся под этнической идентичностью²⁷.

Это заблуждение мы видели особенно четко в первые годы нового этапа карабахского конфликта (конец 80-х годов): тогда еще существовал СССР и руководители КПСС, эмиссары Центра объявили данный конфликт обусловленным экономическими причинами. Они не понимали, что экономические трудности карабахских армян – лишь побочный фактор. Главными причинами конфликта армянской нации с азербайджанцами были этнические, национальные различия и различия целей: несовместимость этих двух этносов, различие их религий и т. п. Кремлевские идеологи так были уверены в формировании нового, **советского человека**²⁸, что даже не знали, что между армянами и азербайджанцами существуют глубокие и давно сформировавшиеся этнические и религиозные различия. Они не знали историю этих народов, прошлые их конфликты, историю включения Карабаха в состав Азербайджана по воле Сталина.

В чем причины таких грубых ошибок? Одной из них, согласно Я. Горовицу, является **эпизодический характер** этнических конфликтов. Они внезапно возникают, после чего наступает период затишья и о них забывают. Поэтому исследования этнических конфликтов непоследовательны: только пролитая кровь заставляет исследователей взяться за перо.

Немалое значение имеет то, что этнические конфликты неприятны: исследователи неохотно берутся за их исследование. В частности, на Западе этничность не вызывает симпатий, и это имеет глубокие идеологические корни. До начала 80-х годов XX века исследование этнических конфликтов считалось второстепенным делом для социальных наук. Однако сегодня социальная практика, особенно в многоэтнических государствах, настоятельно требует исследования этого типа конфликтов и путей их разрешения. Если принять точку зрения, согласно которой причины этнических конфликтов социально-экономические, классовые, то возникнет вопрос: **а почему эти социально-экономические причины приводят именно к этническим конфликтам?** Почему разделение групп происходит по этническим, а не по другим (например, классовым) линиям²⁹? И вообще, ради чего борются этносы?

²⁷ Horowitz D. L. Op. cit., p. 13.

²⁸ Появились даже идеологи “нового”, “советского человека”. См.: Смирнов А. А. Советский человек. М., 1980.

²⁹ См.: Horowitz D. L. Op. cit., p. 13, 15.

Б. Дополнительные факторы сохранения межэтнических конфликтов

В настоящее время, особенно после Второй мировой войны, возникновению этнических конфликтов способствовал целый ряд идеологических и институциональных факторов. Из них чаще всего указываются следующие: а) распространение идей равенства сделало этническую субординацию незаконной. Вследствие этого каждая этническая группа рассматривает и оценивает свой статус, сравнивая его со статусами соседних этносов; б) одновременное распространение идей о ценности достижений привело к тому, что высказывается сомнение в ценности тех групп, у которых нет заметных достижений по существующим стандартам. Это считается серьезным недостатком; в) государственная система, возникшая в Европе в период феодализма, а теперь, в постколониальный период, распространенная во всем мире, создает такую рамку, в которой возникают этнические конфликты. Целями этнических конфликтов считаются: контроль государства, государственный контроль и уход от контроля других. Названные выше дополнительные факторы тоже требуют тщательного исследования.

В. Разрешение, или только смягчение конфликтов?

Первоначальные теории этнических конфликтов были максималистскими. Они пытались найти способы разрешения, искоренения этнических конфликтов. Теперь же появились **теории смягчения и регуляции** конфликтов, утверждающие, что в полиэтнических государствах различия и столкновения этнических групп неизбежны и надо научиться жить в условиях конфликтов, стремясь лишь смягчить их.

Согласие между лидерами – важный шаг к взаимной аккомодации этнических групп, поскольку за короткий срок невозможно изменить привычки и традиции, взгляды и чувства народов. Лидеры не должны ждать результатов очень медленных социальных процессов: они должны сами воздействовать на них. В этом должны играть свою роль органы власти.

Возможна ли демократия в условиях этнических конфликтов? Представители новых подходов считают, что возможна. Действительно, взаимная адаптация этносов и смягчение их конфликтов – более реалистическая и доступная для решения задача.

§ 1.11. Суперэтносы и различия этнических конфликтов на Западе и на Востоке

Как мы уже знаем, многоэтнические общества могут быть ранжированными, параллельными или смешанными. На Западе такие многоэтнические общества, как США, Канада и другие, имеют иерархическую структуру (этническую). Здесь этнические группы составляют систему субординации. Конфликтующие этносы занимают в этой вертикальной структуре различные статусы. Такие структуры встречаются и в других частях мира. Таковы этнические структуры, например, в Руанде, Бурунди и других африканских странах.

Однако в многоэтнических обществах Востока этнические группы чаще всего имеют одинаковый статус, т. е. они взаимодействуют и конфликтуют на одной горизонтальной плоскости. Таковы сингалы и тамилы в Шри-Ланке, малайцы, китайцы и индусы в Малайзии, и т. п. Многоэтнические общества отличаются друг от друга также величиной этнических групп. В одних странах все они большие и, по удачному выражению Д. Горвица, взаимодействуют в центре политики, а не на ее изолированных маленьких “карманах”. Такова, например, ситуация в Нигерии, Шри-Ланке и Малайзии. Добавим, что в опре-

деленной мере такова ситуация и в России, хотя здесь этническая структура общества более сложна: она, по нашему мнению, имеет сложную горизонтально-вертикальную структуру.

Отметим также, что различно **происхождение** этих двух типов многоэтнических обществ и государств. Считается, что ранжированные общества возникают вследствие завоевания одних этносов другим, после чего доминирующий этнос создает идеологию о неполноценности подчиненного этноса³⁰. Когда же многоэтническое общество возникает в результате неполного завоевания или иммиграции, тогда в нем формируется параллельная структура: этносы сосуществуют в значительной мере независимо друг от друга, как отдельные общества с внутренними статусными иерархиями. Ясно, что **механизм возникновения общества, оказывая решающее влияние на его структуру, не может не влиять и на природу этнических конфликтов.**

Таким образом, этничность и этнические конфликты существуют и важны как на Западе, так и на Востоке. Однако между этническими конфликтами Западной Европы и Северной Америки, с одной стороны, и конфликтами этносов Азии, Африки и Карибского бассейна, с другой, существуют различия, главными из которых являются три нижеописываемые. Эти различия, по мнению западных этносоциологов и этнопсихологов (Д. Горовиц³¹, Т. Шибутани и др.), делают этнические конфликты Запада более умеренными. Вот они:

1) **На Западе существует очень важный “сводный”, верхний уровень этнической идентичности.** Об этом свидетельствуют конкретные этносоциологические исследования. Например, в результате одного из них, проведенного в Швейцарии, несмотря на этнические различия между французами, итальянцами и немцами, около 50 % опрошенных считали себя **швейцарцами**. Из французских басков 25 % считали себя басками, 20 % – французами, а остальные 55 % – басками-французами или франко-басками. В Австрии все больше людей разных национальностей считают себя **австрийцами**. Считается, что в этой стране идет процесс этногенеза: формируется новая нация австрийцев. В Гвиане, Нигерии или Малайзии такие данные, которые свидетельствовали бы о формировании “сводной” этничности, не получены. Мы можем сказать, что в названных выше западных странах идет процесс формирования новых **суперэтносов** и, соответственно, **суперэтнических идентичностей**, тогда как в странах Востока такое явление не наблюдается. Здесь, однако, упускается из виду то обстоятельство, что религия тоже может стать этногенетическим фактором и мы можем говорить о возможности формирования религиозных суперэтносов. По-видимому, именно это и происходит, например, в Иране, где людей различают по религии – мусульмане и немусульмане, причем все мусульмане, независимо от этнического происхождения, постепенно формируют единый этнос иранцев.

Мы считаем возможным сформулировать здесь ряд других проблем: а) каким образом формируются такие суперэтносы. Можем ли мы считать, что в СССР в какой-то мере уже существовал “советский суперэтнос”? Может ли **идеология** стать генетическим фактором в процессе образования суперэтноса или просто “чистого” этноса? В свете этих проблем возникает также вопрос о роли **национальной идеологии** в формировании этноса и его перехода на более высокий уровень нации; б) какие отличия имеют этнические конфликты и способы их разрешения в таких суперэтносах, как “швейцарцы”, “американцы”, “французы” и другие по сравнению с этническими конфликтами тех стран, где сосуществуют два или больше этносов, но суперэтнос не формируется?; в) можно ли сказать, что большинство современных многочисленных наций являются суперэтносами, кроме тех случаев, когда нация возникла в результате исторического развития одного этноса?; г) наконец, сле-

³⁰ Такое положение вещей имеет место, например, в Индии. См.: Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. Изд-во “Мысль”, М., 1973, с. 35–39 и др.

³¹ См.: Horowitz D. L. Op. cit., p. 19

дует сравнить такое понимание суперэтнуса с теми, которые предложены другими авторами, в частности, Л. Гумилевым.

2) **Кроме “сводных”, суперэтнических идентичностей в европейских странах существуют также идентичности одного уровня.** Например, в Бельгии, несмотря на все различия фламандцев и валлонов, существуют также религиозные и классовые различия, которые по своей значимости сравнимы с этническими различиями. В Швейцарии имеются языковые, классовые, религиозные и кантональные различия. В Канаде, кроме этнического конфликта франкофонов и англофонов, существуют классовые, региональные, религиозные и другие различия. Эти различия находят выражение в поведении людей во время выборов, в партийной деятельности и в других ситуациях.

В то же время в Азии, Африке и странах Карибского бассейна политические партии формируются по этническим признакам. В Европе и США этнических политических партий не существует. Например, в Бельгии в трех основных партиях есть члены разных национальностей. В Швейцарии язык не является строгим признаком для предпочтения той или иной партии, социальный класс имеет большее значение. Этничность на Западе в общем не устраняет все другие формы групповых различий, – отмечают исследователи³².

Таким образом, на Западе общество расщеплено по различным – классовым, религиозным, языковым и этническим – линиям. Это является итогом специфического исторического пути развития западных наций и обществ. Реформация положила начало разделению католиков и протестантов. Просвещение привело к созданию гражданских партий в противовес религиозным. Результатом индустриальной революции явилось возникновение социальных классов со своими специфическими политическими целями. Движущими силами западных обществ были религия, национализм и социальные классы³³. Такое же описание **неприменимо** для стран Азии и Африки. Итогом всех этих процессов развития на Западе стала сложная структура общества, которая ни в коей мере не исчерпывается и не поглощается этническими связями. Но надо иметь в виду, что иногда происходят события, которые заставляют думать, что этнические связи все же, пусть не всегда явно, имеют преобладающее влияние на общество и на поведение людей. Иначе как мы поймем феномен фашистских, националистических диктатур в Италии, Германии и Испании?

3) **Интенсивность этнических конфликтов на Западе ниже, чем на Востоке.** Достаточно вспомнить особенности этнических конфликтов в Швейцарии, Канаде и других странах Запады. Конечно, этнические конфликты везде вызывают **агрессивное поведение** их участников. Но если на Западе оно принимает форму **терроризма** (например, в Баскской области Испании, в Ирландии) и направляется против правительства, то на Востоке агрессивность направляется на членов враждебной этнической группы и на их имущество, сопровождается насилием, телесными повреждениями и убийствами. Это означает, что в странах Востока этнические чувства более интенсивны и мощны. На Западе они более умеренны и не представляют угрозы для целостности государства.

Правда, во многих случаях трудно точно определить, является ли государство “восточным” или “западным”. Считать ли, например, Югославию западным государством? Если да, то как объяснить ожесточенность этнических и религиозных конфликтов в этой стране, вследствие которых она распалась на ряд более мелких государств? Является ли конфликт сербов и албанцев столкновением “западного типа”?

Таким образом, этнические конфликты в странах Востока и Запады различны, хотя в их основе лежат некоторые общие социально-психологические механизмы, и в первую очередь **групповая идентификация**.

³² Horowitz D. L. Op. cit, p. 19; Shibutani T. and K. Kwan, Op. cit.

³³ См. Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994.

Этнические конфликты нередко возникают вследствие “наложения” (суперпозиции) “отсталых” и “развитых” народов. Сравнение народов может проводиться по нескольким “измерениям”. Таковы: образование; занимаемое место в гражданской службе и в независимых профсоюзах; богатство и место в сфере бизнеса; превалирование городского или сельского населения.

Иногда вместо слов “отсталый” или “развитый” употребляют эмоционально более нейтральные термины “традиционное общество” и “прогрессивное общество”. Последнее называют также “модернизированным”. Более развитые этносы в целом лучше образованы и связаны с современными сферами производства, с новыми возможностями развития. Отсталые народы практически не имеют доступа к этим возможностям. Таково, например, положение индейцев в США.

Фактически, когда говорят о “суперпозиции” развитых и отсталых народов, имеют в виду практику колониализма. И утверждается, что вследствие колониального владения (английского, французского и др.) этносы пришли в непосредственное соприкосновение, вследствие чего облегчилось их сравнение друг с другом. А это привело к развитию этнической идентичности³⁴.

Следует сказать, что все эти явления почти совсем не исследованы у этносов, входивших совсем недавно в состав СССР. А ведь многое в процессах, происходящих в новых независимых государствах, обусловлено этим прошлым, тем положением, которое эти этносы занимали в сложном многоэтническом государстве. Колониализм создает целый ряд новых причин для возникновения межэтнических конфликтов.

Здесь мы обсудим еще одну проблему. Мы полагаем, что существует явление **переноса конфликта и агрессии из одного общества в другие**. Межэтнические конфликты в одних странах вызывают сходные конфликты в других. Так, когда бельгийские колонии Заир, Руанда и Бурунди в Африке получили независимость, в самой Бельгии подняли голову фламандцы: возник этнический конфликт в самой метрополии. **Это сходные по структуре этнические конфликты**. И можно предположить, что **межэтническая агрессивность бельгийских колонизаторов в Африке в определенной мере была перенесена на фламандцев внутри страны**. Конечно, поскольку фламандцы не негры, то мы можем предположить также некоторое **преобразование** агрессии, например избегание применения ее грубых физических форм, использование более социализированных ее разновидностей, а также использование других механизмов разрешения конфликта.

Под влиянием этнических конфликтов в Азии и Африке, а также того факта, что многие этнические группы в этих колониях получили независимость, обострился конфликт между квебекцами и англосаксонцами в Канаде. Этнические французы этой страны стали называть себя “белыми неграми” и утверждать, что если народы, только что вышедшие из каменного века, достойны независимости, то почему она должна быть отказана народу, вышедшему “из великой французской цивилизации”. И в этом случае мы видим (что доказано последующими событиями в Канаде), что борьба за независимость ведется в основном цивилизованными средствами: с помощью политической пропаганды, митингов, словесной агрессии, петиций, выборов и т. п.

³⁴ Horowitz D. L. Op. cit., p. 148

§ 1.12. Конструктивная роль этнических конфликтов

А. О положительных функциях конфликтов

Обычно, когда говорят об этнических конфликтах, молчаливо предполагают, будто они – исключительно отрицательные явления, от которых следует как можно быстрее избавиться.

Разумеется, когда конфликт выражается в столкновениях и приносит человеческие жертвы, следует приостановить его кровавый ход. Однако имеют ли социальные конфликты вообще и этнические конфликты – в частности, позитивные функции? Вот важная проблема, которой мы слегка уже коснулись, но которая требует более пристального внимания.

Очевидно, что этнические конфликты вызывают отрицательные чувства, особенно при субординации этносов, они приводят к агрессии, вандализму, к усилению обмена информацией и культурными ценностями и т. п. Эти и другие отрицательные последствия очевидны.

Однако конфликты, по нашему мнению, имеют также положительные последствия и функции, из которых можно отметить следующие: 1) укрепление и развитие самозащитных тенденций, механизмов и стратегий как индивидов, так и групп и этносов; 2) усиление и развитие этнического самосознания и переход на более высокий уровень этногенеза и развития; 3) углубление самопознания этноса, но нередко – с элементами сублимации собственной истории и культуры; 4) повышение уровня сплоченности группы; 5) ослабление внутренних конфликтов, особенно в периоды обострения конфликтов с другими этносами, что показывает существование очень любопытных взаимных связей между внутриэтническими и межэтническими конфликтами, которые мы рассмотрим со всей подробностью в последующих главах настоящей книги.

Эта концепция о положительных функциях этнических конфликтов и о взаимосвязях между их последствиями, может значительно обогатить конфликтологию и этнопсихологию при должном эмпирическом обосновании. Однако следует иметь в виду, что когда речь идет об этнических конфликтах, то их положительные функции перевешивают отрицательные тогда, когда этносы живут не внутри одной территории, как части единого общества и государства, а рядом, по соседству, имея ясные территориальные границы. Существование этнических анклавов опасно для малых этносов.

В теориях конфликтов, например, в работах Л. Козера, начиная с 70-х годов, появились попытки показать, что конфликты тоже являются функциональными социальными явлениями и входят в число факторов, укрепляющих общество³⁵. Эта точка зрения была противопоставлена функционализму Т. Парсонса, считающего, будто целью общества является установление состояния равновесия, а противоречия и конфликты лишь нежелательные явления, от которых следует избавиться.

Этнические конфликты, как естественные и неизбежные явления, имеют и более широкое социальное значение, особенно в многоэтнических, плюралистических обществах. Современные исследователи, в том числе Дж. ДеВос, А. Ройс и другие, отмечают следующие их функции: 1) конфликты иногда способствуют сохранению общества; 2) в других случаях способствуют разрушению общества; 3) иногда же они приводят к созданию нового общества.

“Потенциал конфликта более высок в гетерогенных обществах, он принимает различные формы в этнически гетерогенных обществах по сравнению с обществами, в кото-

³⁵ См.: Coser L. The Functions of Social Conflict. Glencoe (Ill.): Free Press, 1956; Ethnic Conflicts and Power: A Cross-National Perspective. Ed. by D. Gelfand and R. D. Lee. New York: John Wiley and Sons, 1973.

рых гетерогенность основана на другом критерии³⁶. Дж. ДеВос утверждает, что, говоря об этничности следует исходить из того, что наличие некоторых форм конфликтов является нормальным и хроническим условием жизни в плюралистических обществах. Но такие социальные напряжения и конфликты по-разному выражаются в плюралистических обществах по сравнению с этнически гомогенными стратифицированными обществами³⁷. Все эти идеи важны для развития теории конфликтов, поскольку позволяют исследовать их в полном объеме, со всеми этапами и связями с другими социальными и этнопсихологическими явлениями.

Б. Конфликт, самосознание и сплоченность этносов

Теперь чуть подробнее рассмотрим влияние этнических конфликтов на самосознание этносов.

Является ли этническое самосознание, я-концепция этноса, полезным психологическим образованием? Безусловно! Без самосознания нет подлинного этноса, тем более – нации. Без индивидуального этнического самосознания нет идентификации с этносом и нет сплоченности этнической общности. Этнические конфликты способствуют развитию я-концепции этносов и, в этом смысле, способствуют развитию этносов и нациогенезу. Возникая между этносами Э₁ и Э₂, конфликт заставляет их изолироваться друг от друга, четче осознавать этнические границы как в пространственном, так и в психологическом смысле. Некоторая психологическая и пространственная самоизоляция приводит к внутреннему сплочению членов этноса и вызывает у них психологическую готовность к борьбе против врагов. Как конфликты, так и угроза создания конфликтов, кризисы и борьба этносов, являются факторами, способствующими развитию этнического самосознания, положительной идентификации и сплочению. Эти положения, весьма близкие с идеями Л. Козера, нетрудно проиллюстрировать историческими примерами.

Так, сплочению различных частей (племен) греческого народа способствовали угроза со стороны Персидской державы и греко-персидские войны. Внешняя угроза и военные конфликты способствовали консолидации греков вокруг Афин. Именно в это время (в годы правления Перикла в особенности) греческий этнос превратился в нацию. Этногенетические и консолидационные процессы в Греции активизировались³⁸. В результате такого развития происходят существенные изменения в индивидуальном и этническом самосознании: появляется много людей, **способных ставить общенациональные интересы выше индивидуальных**. Такое преобразование мотивационной иерархии личностей готовит их для совершения героических поступков, поскольку герой не просто тот, кто совершает смелые действия и добивается побед: такие достижения могут иметь эгоистическую мотивацию. **Герой** – это тот человек, который готов и способен на самопожертвование ради национальных интересов. Древняя Греция недаром дала много героических личностей.

Конфликт с общим врагом может консолидировать не только членов одного этноса, но и целый ряд различных этносов. Общий враг играет в жизни народов не только отрицательную роль. Наличие общего врага может способствовать созданию коалиций народов, а также консолидации уже существующих суперэтносов. Почему в 80-90-е годы имело место ослабление консолидации славянского суперэтноса? Основная причина в том, что исчез образ общего врага. А между тем война НАТО против Югославии в марте-июне 1999 года и воору-

³⁶ Royce A. P. Ethnic Identity, pp. 42–43.

³⁷ De Vos, George. Ethnic Pluralism: Conflict and Accommodation. In: Ethnic Identity: Cultural Continuities and Change. Ed. by G. de Vos and L. Romanucci-Ross. Palo Alto: Mayfield Publishing, 1975, pp. 5–6.

³⁸ См.: Сергеев В. История Древней Греции. М., Госиздат, 1939, гл. VIII–IX.

жение албанских сепаратистов показали славянским народам, что они зря потеряли бдительность. Борьбе между этносами, их коалициями и суперэтносами не видно конца.

Такой подход позволяет лучше понять взаимоотношения Турции с ее соседями, взаимоотношения христианского и мусульманского суперэтносов и ряд других межэтнических процессов, происходящих в настоящее время в мире. Люди охотнее осознают и защищают свои национальные ценности и символику тогда, когда есть враг, угрожающий этим ценностям и символам. Недаром мудрые политические деятели время от времени даже искусственно создают образ врага нации, чтобы консолидировать ее. О роли врагов в нациогенезе хорошо знал один из ведущих идеологов сионизма Теодор Герцль. «Мы – народ, – сказал он. Враг превратил нас в народ»³⁹. Идеологи сионизма считают, что без преследований со стороны врагов еврейский народ давно исчез бы с лица земли. Враждебное отношение усиливает этническое самосознание, чувство ответственности за судьбу своих сородичей, вызывает желание лучше знать историю и культуру своего народа. Иначе говоря, межэтнические конфликты способствуют возрождению нации, ее культурному и политическому ренессансу. Когда преследования становятся продолжительными, у преследуемых народов появляется **национализм** как ответная агрессия и идеология. Создаются националистические организации, ставящие перед собой уже этнополитические цели. Эти явления очень четко видны в истории армян, сербов и других народов в XIX–XX веках.

Убедительным примером, иллюстрирующим данную закономерность, является следующий: армяне, жившие в Сумгаите, в Баку и других городах и селах на территории Азербайджана, к концу 80-х годов XX века большей частью были уже ассимилированы в среде русских (в основном) и азербайджанских турок. Они, за некоторыми исключениями, уже не были армянами – этнофорами, носителями национальной культуры армянского народа⁴⁰. Но враги вернули их, так сказать, **назад, к прежней своей этнической идентификации**. Им сказали: вы здесь чужие, вы армяне, мы вас ненавидим. И тогда многие из них действительно вновь приобрели национальное самосознание армянина. Это процесс **реассимиляции и восстановления этнического самосознания**.

Действительно, «сумгаит», «баку» и другие новейшие аспекты геноцида и вандализма в какой-то мере **разрушили те защитные комплексы**, которые смягчили страдания, возобновили экзистенциальную фрустрацию и связанные с ней отрицательные переживания. Это были вторичные и более высокого уровня экзистенциальные фрустрации, которые, кроме того, что причинили народу новые страдания, привели к более четкому осознанию своего этнического самосознания.

В. Попытка синтеза разных подходов

Обострение этнического самосознания людей при контактах различных этносов – важный, но частный аспект более широкого явления – **усиления этничности** каждого из конфликтующих народов. Сюда входит более четкое осознание своих этнических признаков и различий от других этносов. С первого взгляда может показаться, что учащение контактов между этносами будет способствовать их смешению и образованию нового этнического сообщества. Между тем нередко наблюдения над реальными межэтническими процессами, например, в быстро растущих африканских промышленных городах, куда стекались представители различных этнических групп, показали, что здесь происходит обратный процесс, названный одним из исследователей **ретрибализацией** – обострением племенных идентичностей. Члены племен, благодаря взаимодействию с представителями других племен, с их

³⁹ См.: Герцль Т. Еврейское государство. СПб, 1896; Lerner M. America as a Civilization. New York. 1957, p. 510. Shibutani T. and K. M. Kwan. Op. cit., pp. 220–221.

⁴⁰ См.: Мосесова И. Армяне Баку: Бытие и исход. Ереван, 1999.

обычаями и ценностями, начинают острее чувствовать и яснее понимать, кто они и какими этническими чертами обладают⁴¹. Межэтнические контакты не сближают этносы, а психологически даже удаляют их друг от друга. Происходит **межэтническая поляризация**, весьма сходная с поляризацией установок и убеждений в результате групповых дискуссий людей с противоположными взглядами. Это явление обнаружено социальными психологами⁴².

Возможно, что ретрибализация (а лучше назвать данный процесс **реэтниризацией**) при столкновении разных этносов и поляризация установок сторон во время групповых обсуждений, имеют какие-то общие психологические механизмы и закономерности.

Надо сказать, что такие этносы могут объединить свои усилия для борьбы против общего врага, т. е. тогда, когда у них появляется цель более высокого уровня, чем сугубо этнические цели.

Таким образом, по мнению этих исследователей, если этнические группы имеют четко различимые черты, тогда их контакты приводят к усилению этнической идентичности каждой из групп. Тем более противоречия и конфликты этносов являются условиями сохранения и усиления идентичности конфликтующих этносов.

Концепцию взаимодействия, как условия возникновения этнической идентичности, разработал Ф. Барт, который считал, что для развития и сохранения этничности достаточны взаимодействие этносов и взаимное принятие (адаптация) друг друга. Он считал, что культурные различия могут сохраняться несмотря на интер-этнические конфликты, независимо от них⁴³.

В отличие от него Эд. Спайсер для сохранения этничности считает необходимым наличие этнических конфликтов. Его подход называют **оппозиционным**. Процесс противостояния он считает существенным фактором в возникновении и развитии системы идентичности, производящим интенсивное коллективное сознание и высокий уровень внутриэтнической солидарности⁴⁴.

Точки зрения этих исследователей противоположны, однако мы считаем, что можно объединить их в единой концепции, которую можно назвать “теорией взаимодействия и этничности”. Мы имеем в виду, что в реальной жизни конфликты, различные виды взаимодействия – соперничества и сотрудничества – не протекают изолированно друг от друга: они выступают как аспекты длительных процессов межэтнического взаимодействия.

Поскольку и реальность ассимиляции нельзя отрицать, следует конкретизировать, когда и контакты каких этнических общностей приводят к усилению их этничности, и когда – к ослаблению этничности одной из них или одновременно двух партнеров по взаимодействию.

Мы предлагаем следующие суждения, которые могут способствовать объединению разрозненных утверждений о последствиях контактов и конфликтов этносов: а) контакты этнических групп с равными социально-экономическими статусами приводят к усилению этничности обеих сторон; б) контакты этносов с неравными социально-экономическими статусами вначале усиливают их этничность, но затем начинается ассимиляция подчиненной (с низким рангом) группы в среде доминирующей этнической общности; в) играет роль, конечно, наличие или отсутствие линии непосредственного подчинения. Если сильная и многочисленная группа в результате завоевания подчиняет себе слабую группу, тогда они

⁴¹ См.: Epstein A. L. Politics in an Urban African Community. Manchester; Manchester Univ. Press, 1958; Royce A. P. Ethnic Identity, pp. 39–40.

⁴² См.: Baron R. and Byrne D. Social Psychology. Understanding Human Interaction. 2nd ed.; Allin and Bacon Inc., Boston a. o., 1977, pp. 569–580.

⁴³ Barth, Frederik. Ethnic Groups and Boundaries. Boston: Little, Brown and Co., 1969.

⁴⁴ См.: Spicer, Edvard. Persistent Identity Systems. “Science”, 1971 (4011), pp. 795–800; Spicer Ed. Cycles of Conquest. Tucson: Univ. of Arizona. 1961.

контактируют часто и непосредственно и возникают процессы, отмеченные в п. б; г) если между сильным и слабым этносами нет контактов, все вышеназванные процессы могут отсутствовать. Например, очевидно, что какое-либо африканское племя не может ассимилироваться в русском народе.

Эти идеи могут иметь важные применения и в практической политике. Известно, что многие политики даже международного уровня ошибочно считают, что общение этносов, их жизнь рядом друг с другом, способствуют их сближению, дружбе и сосуществованию. На самом деле это совсем не так: если этносы очень различны, их общение приводит к обострению этнического самосознания каждого из них и создает психологическую предпосылку для конфликтов. Для разрешения межэтнических конфликтов преодоление этого заблуждения имеет коренное значение.

Литература

1. Вебер М. Избранное. Образы общества. М., 1994.
2. Левин К. Типы конфликтов. – В сб.: Психология личности. Тексты. Изд-во МГУ, М., 1982, с. 93–96.
3. Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности. Ереван, Изд-во АН Армении, 1988, гл. 2.
4. Смелзер Н. Социология. Москва, “Феникс”, 1994.
5. Тернер Дж. Структура социологической теории. Пер. с англ., “Прогресс”, 1985, с. 125–218.
6. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции. М., “Наука”, 1989.
7. Фрейд З. Труды разных лет. Кн. 1–2, Тбилиси, “Мерани”, 1991.
8. Щепаньски Ян Элементарные понятия социологии. М., 1969.
9. Allport G. The Nature of Prejudice. Garden City. New York: Anchor Press, 1958.
10. Austin W. G. and Worchel S. (eds.). The Social Psychology of Intergroup Relations. Monterey (Calif.), Brooks/Cole, 1979.
11. Brown R. Social Psychology. The Second Edition. Free Press, New York, 1986. Ch. 15.
12. Coser L. Continuities in the Study of Social Conflicts. New York, Free Press, 1967.
13. Coser L. The Functions of Social Conflict. Glencoe (Ill.): Free Press, 1956.
14. Dahrendorf R. Class and Class Conflict in Industrial Society. Stanford: Stanford University Press, 1959.
15. Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation, New York, 1958.
16. Horowitz D. L. Ethnic Groups in Conflict. University of California Press. Berkley et al., 1985.
17. Lewin K. Dynamic Theory of Personality. New York, London. 1935.
18. Royce A. P. Ethnic Identity. Indiana Univ. Press. Bloomington, 1982.
19. Sherif M. Group Conflict and Cooperation: Their Social Psychology. London, Routledge and Kegan Paul, 1966.
20. Shibusani T. and K. M. Kwan Ethnic Stratification. New York, 1965.

Глава 2. Адаптивные процессы и стратегии

Вся этническая история народов – сплошная цепь защитных процессов, соперничества, агрессии одной группы и самозащиты другой и т. п. Игнорировать данный аспект проблемы – значит закрыть себе дорогу для понимания этнического характера народов, их теперешнего состояния и взаимоотношений. Этническая самозащита осуществляется широким спектром средств, в числе которых – важные психологические механизмы. Мы рассматриваем весь спектр этнозащиты, но наиболее подробно – психологические защитные механизмы, их комплексы и стратегии.

§ 2.1. Что такое адаптивная стратегия?

Мы уже знаем, что в психике и поведении человека существует целый ряд **адаптивных механизмов**. Когда они составляют устойчивые сочетания и с их помощью люди защищаются и адаптируются в сложных проблемных ситуациях, мы говорим о том, что в их психике образовались **адаптивные комплексы**. Частную, но очень важную группу составляют **защитные комплексы**.

Адаптивную стратегию мы определяем в качестве сочетания определенного защитного механизма или защитного комплекса с установкой на их актуализацию и использование в типичных проблемных ситуациях. Как только возникает соответствующая ситуация, личность самопроизвольно воспроизводит такое сочетание. Таким образом, защитная стратегия = защитный комплекс (или механизм) + установка.

В структуру адаптивной стратегии входит “стратегическая цель” личности, т. е. тот ожидаемый результат, ради которого организуется весь процесс. Эта цель является повторяемой, воспроизводимой: в типичных проблемных ситуациях она вновь и вновь выдвигается личностью. Это может быть, например, цель самосохранения или достижения власти и высокого статуса, блестящих результатов в профессиональной деятельности и т. п.

В структуру адаптивной стратегии входит также **общий план действий**, типичные, повторяющиеся, в том числе ставшие привычными, познавательные действия, а также **группа конвергирующих мотивов**.

В общем, стратегия – это общий и принципиальный путь поведения и (или) познания. Она формируется для решения кардинальных проблем жизни и нацелена на крупные и устойчивые цели личности. С ее помощью реализуются большие жизненные планы людей.

Адаптация в случайно возникающих (нетипичных, совершенно новых) ситуациях еще не может иметь свои стратегии. В подобных ситуациях происходят тактические адаптивные процессы вроде тех непосредственных реакций на ситуацию, о которых пойдет речь на следующих страницах. Они, как правило, еще не приводят к формированию устойчивых адаптивных комплексов и стратегий. Правда, человек в таких ситуациях может спонтанно или произвольно апробировать свои уже готовые стратегии, проверяя их эффективность в этих новых условиях.

§ 2.2. Основные адаптивные стратегии личности

Основными адаптивными стратегиями личности в проблемных ситуациях стресса и фрустрации являются следующие: 1) бегство из ситуации, уход из нее; 2) нападение на фрустратор или стрессор; 3) адаптация с изменением ситуации; 4) адаптация без изменения ситуации (приспособление в собственном смысле слова); 5) предвосхищающая адаптация (преадаптация), адаптация при предвидении грядущих фрустраций или стрессов с

помощью механизма “опережающего отражения”); б) две специфические стратегии разрешения конфликтов между идеальным-я и реальным-я личности, уже описанные нами в другом месте⁴⁵, и другие.

Рассмотрим некоторые из них.

А. Предварительная адаптация

Стратегия предварительной адаптации предназначена для подготовки ответа на ожидаемые, предвидимые фрустраторы. Это мощная стратегия психической самозащиты, поскольку необходимые защитные механизмы и их комплексы приводятся в состояние готовности и как только появляется фрустратор, следует адекватный ответ.

Но для этого необходимо, чтобы процессы **антиципации**, т. е. предвосхищения будущих событий, были по возможности точными. **Основная функция** этих процессов – подготовка для адаптации в будущих проблемных ситуациях. Здесь следует использовать существующие психологические и психофизиологические концепции о предвосхищении и показать в них место адаптивных механизмов.

Таким образом, знание реальности, актуальных и ожидаемых ситуаций – одна из основ адаптации к этой реальности. Но, как справедливо говорил Х. Хартманн, знание реальности еще не есть адаптация к этой реальности⁴⁶. Знание необходимо, но недостаточно для успешной адаптации. Поскольку очень часто мало знающие люди лучше адаптируются к социальным ситуациям, а много знающие дезадаптированы, то перед нами проблема, требующая новых исследований. Решение проблемы “Знание и адаптация” следует, по-видимому, искать в следующем: **каким образом знание воплощается в механизмах и стратегиях адаптации и в их правильном выборе?**

Б. Адаптация без изменения ситуации

Во многих случаях люди не могут изменить ситуацию, в которой оказались, или не хотят этого делать. Но если вынуждены остаться в ней и действовать, тогда, чтобы адаптироваться, **должны сами меняться**. Это и есть **приспособление личности к ситуации**, и в его основе мы видим различные формы **уступчивости** и **конформизма**. Дело иногда доходит до рабского подчинения внешней необходимости.

Людям, живущим в странах, управляемых авторитарными и деспотическими методами, подобное состояние хорошо известно. Чувство беспомощности, последующее за первоначальным бунтом, заставляет людей жить, приспособляясь к внешним ожиданиям и требованиям⁴⁷.

Во взаимоотношениях этносов эта стратегия конкретизируется в процессах **ассимиляции**, которой мы посвящаем отдельную главу.

Внутренний, психологический конформизм выражается во внешних, реальных приспособительных действиях. Тут уже в дело включается механизм **подражания**, который играет огромную роль в социальной жизни. Подражание является одним из важнейших механизмов приобретения и реализации конформного поведения.

Выбор той или иной адаптивной стратегии непосредственно связан с моральными проблемами. Это особенно касается выбора конформистской стратегии поведения. Поскольку моральные выборы и решения часто относительны, людям приходится выбирать не то, что абсолютно правильно и морально, а наименьшее из зол, и приспособляться к ожиданиям

⁴⁵ См.: Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности. Формы, механизмы и стратегии. Ер., 1988, Гл. 4.

⁴⁶ См.: Hartmann H., Ego Psychology and the Problem of Adaptation, p. 19.

⁴⁷ Это хорошо показал А. И. Солженицын в рассказе “Один день Ивана Денисовича” и в последующих произведениях.

группы или ее лидеров. Об этом достаточно подробно сказано в работах исследователей морального поведения⁴⁸.

Конформизм можно считать адаптивной стратегией, способствующей закреплению существующего общественного порядка и государственного устройства. Так, конформизм советской интеллигенции не только помогал Сталину и его соратникам управлять страной, но и усиливал их позиции, давая им в руки знания, опыт, новые виды вооружений, т. е. все, что нужно было для усиления и укрепления деспотической власти.

То общество, в котором преобладающей стратегией адаптации людей является конформизм (поскольку именно эта стратегия поощряется), не может обеспечить себе прогрессивное развитие. Оно будет стабилизироваться и станет стереотипным. Стереотипный характер приобретают вся культура и образ жизни такого общества, требующего стандартизации образа и стиля жизни всех своих членов.

Отсутствие отбора по полезным для прогресса, выдающимся признакам означает подавление, элиминацию конструктивных отклонений от норм, подавление инновационных тенденций, практическое отрицание таланта и гения.

В подобных обществах создаются образы “нормальных” людей, т. е. типичных конформистов, приспособленцев, которые захватывают все ключевые посты, наиболее важные социальные статусы. Борьба за статусы ведется уже между наиболее ловкими конформистами, поэтому появляются все более совершенные, гибкие разновидности этой стратегии в различных областях социальной жизни. Причем преобладает осознанный конформизм, двуличие: люди знают, что вся жизнь организована неправильно, что налицо глубокая стагнация, но внешне приспособляются, чтобы обеспечить себе все те выгоды, которые связаны с обладанием средних и особенно высоких социальных статусов. Эта борьба между конформистами приводит к еще большему закреплению порочной социальной системы, поскольку о ее совершенствовании лидеры по существу не беспокоятся. Конформисты преследуют свои эгоистические цели, а эти цели только случайно могут совпадать с целями прогрессивного развития общества. Но конформистам свойственны **рационализации**, преследующие цель создать искусственные мотивировки высокого социального и морального характера. Это вторичный обман: рационализации используются для возвышения (сублимации) собственных мотивов. Недаром жулики-конформисты громче всех говорят о защите интересов общества и принципов высокой морали, на каждом шагу тайком нарушая эти нормы и принципы. В подобных условиях истинными регуляторами общественных отношений становятся субъективные связи и оценки людей, субъективная воля власть имущих. Подлинное право и мораль вытесняются со всех сфер жизни. Появляется целый класс жуликов и именно социальный тип конформиста-жулика становится модельным, как тип “удачливого” и “умного”, “понимающего жизнь” человека. Поскольку все это сочетается с глубоким, всепроникающим бюрократизмом, то налицо состояние деградации и застоя, налицо глубокий кризис общества.

Возникает проблема: можно ли обеспечить прогрессивное развитие общества в условиях сохранения специфики преобладающей адаптивной стратегии? Из характеристики этой стратегии мы приходим к выводу, что это невозможно: нужны радикальные, революционные изменения. Прогресс на основе консерватизма невозможен. Требуется обновление как идеологии, так и управления застойного общества.

⁴⁸ См.: Kohlberg L., Obenhaus V., Ethics for an Industrial Age. New York. 1965; Лавровский А., Указ. соч., с. 80–84, и др.

В. Регрессивная адаптация личности

Можно выделить целый ряд адаптивных стратегий исходя из критерия преобладания того или иного защитного механизма в адаптивных процессах личности. Одной из них является **регрессивная адаптация**. Это понятие ввели в научный обиход психоаналитики, в частности, его употреблял Г. Хартманн в своей книге об адаптации личности⁴⁹. Очевидно, что в этой адаптивной стратегии ведущим является механизм психической регрессии, о котором мы уже подробно говорили в другом месте⁵⁰. Эта стратегия систематически используется, большей частью самопроизвольно, при **пуэрилизации** человека, что может иметь место в разные возрастные периоды под влиянием сильных и длительных фрустраторов, а также при возрастной **инфантилизации** в пожилом возрасте.

В психоанализе установлено, а в настоящее время уже общепринято, что художественное творчество является результатом регрессии, поскольку используемые в нем образы имеют архаичный и магический характер. Но психоаналитики понимают, что искусство не сводится к простому архаическому “остатку”. Магические в прошлом образы, как замечает Г. Хартманн, предоставляют различные возможности для принятия синтетических решений. Он считает **художественное творчество разновидностью регрессивной адаптации**: психические достижения, корни которых архаичны, приобретают новое значение для синтеза и во взаимоотношениях с внешним миром – именно в силу возвращения к архаическому.

§ 2.3. Сочетание двух стратегий у этнической группы

Здесь мы, на примере определенного этноса, покажем, что адаптивные стратегии, во-первых, свойственны не только индивидам, но и этническим группам, во-вторых, что в переживаниях и поведении одной и той же группы две или больше стратегий могут сочетаться. Это позволит нам более логично перейти к рассмотрению вопросов групповой фрустрации и психической самозащиты.

Отношение отсталых или обездоленных этнических групп, убежденных в своей аборигенности, к своему прошлому, как отмечается в этнологической литературе, особое: если на данной земле живут еще и пришельцы, то аборигенная и отсталая группа выражает сожаление, что разрешила первую иммиграцию. Она обвиняет своих предков за проявленную слабость и уступчивость. При этом ими выражается горечь и сожаление. Вообще исторические ошибки предков воспринимаются этносами с горечью, сочетаемой с революционностью.

Так, в Шри-Ланке сингальцы, считающие себя аборигенами и хозяевами земли, крайне недовольны тем, что была разрешена иммиграция тамильцев из Индии. Есть между тамильцами и сингальцами и религиозные различия. Тамильцы являются индуистами, а сингальцы – буддистами. Сингальцы требуют решительных мер, а именно – репатриации тамильцев в Индию. Аборигены считают, что поступают великодушно, что позволяют иммигрантам жить в своей стране⁵¹.

Нетрудно представить, что там, где у людей есть такое полное сожаления и горечи отношение к прошлым ошибкам своей национальной истории, там есть возможность вспышки все новых и острых этнических конфликтов. На примере взаимоотношений тамильцев и сингальцев это очевидно. Есть немало примеров и в других регионах мира – в Малой Азии, Закавказье, на территории Югославии. Так, до сих пор армяне и греки жалеют

⁴⁹ См.: Hartmann H. Ego Psychology and the Problem of Adaptation, pp. 77–78.

⁵⁰ Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности. Гл. 3.

⁵¹ Horowitz D. L., Op. cit., p. 114.

о том, что в XI–XII веках нашей эры не объединились против проникновения тюркских племен в Армению и Византию: если бы они совместно и дружно выступили против тюркских орд, история теперь была бы другой. Вина раздора лежит в основном на греках, ибо они, имея мощное государство (Византию), вместо того, чтобы усилить своего естественного союзника – Армению, крайне ослабили ее, лишив возможности иметь армию.

В переживаниях и действиях аборигенов, теперь уже притесняемых народов, **сочетаются, по-видимому, две стратегии адаптации: регрессивная адаптация и стратегия агрессивная, наступательная**, причем первая из них становится психологической опорой для второй.

§ 2.4. Групповая защитная адаптация

Прежде чем перейти к обсуждению этнозащитных механизмов и процессов, необходимо вкратце рассмотреть вопрос о том, как вообще возможна психологическая самозащита на групповом уровне и как совершается переход от индивидуального уровня психологической защиты на групповой уровень.

А. Групповая фрустрация

Чтобы имели место групповые защитные процессы, группа, как целое образование, должна быть фрустрирована. Она должна переживать комплексное состояние стресс-фрустрации. Можно принять простой подход: если большинство членов группы фрустрировано одним и тем же фрустратором, естественно сказать, что группа в целом фрустрирована. Например, вся группа может лишиться определенной ценности или не суметь получить то, что желает или, наконец, лишиться того, что уже имела.

Возможен и другой случай: реально фрустрируется только один из членов группы (например, семьи или этноса), но другие ее члены переживают с ним **психологическую идентификацию** и тоже приходят в состояние фрустрированности. Индивидуальная фрустрация порождает групповую. Так, если член чужой группы оскорбляет достоинство индивида, то его фрустрация может передаваться и его семье, и его этнической группе.

Реальность подобных процессов не подлежит сомнению. Известны многочисленные факты о том, как семья стремится наказать врага одного из своих членов (кровная месть у некоторых народов, весьма распространенная в прошлом), и даже национальное государство может объявить войну другому государству за нанесение оскорблений или другого вреда своим гражданам.

Отсюда ясно, что как существуют индивидуальные механизмы защиты личности и ее самосознания, должны существовать и **групповые защитные механизмы**, с помощью которых фрустрированная группа старается наказать виновного, улучшить свое психическое состояние и освободиться от фрустрированности.

Когда социальная группа подвергается внешнему давлению, преследованиям и репрессиям, она претерпевает внутренние изменения: меняется поведение такой группы, меняются некоторые ее нормы и установки, формы выражения чувств и т. п. Если внешние агенты – фрустраторы и стрессоры – опасны, а возможности ухода из ситуации ограничены, может произойти дезорганизация группы, она может оказаться даже в состоянии паники. Вообще появление фрустрирующей ситуации порождает **коллективные действия членов группы**, направленные на фрустраторов. Во всех подобных случаях изменения, происходящие в группе и в ее поведении, в общем можно считать защитно-адаптивными, во всяком случае по их мотивам. Результаты этих действий, конечно, могут быть не только адаптивными.

Всякие **поражения**, вызывая тяжелые фрустрации всего этноса или большинства его членов, требуют защитных процессов. Как возникают при этом тенденция к самозащите и ее механизмы, можно проиллюстрировать на исторических примерах.

Б. Групповые адаптивные механизмы

Адаптивные процессы на личностном и групповом уровнях имеют ряд различий, в том числе качественных. Свидетельством этого может служить следующее явление: личность может обладать такими чертами, которые делают ее неадаптированной в группе, но эти же черты личности могут способствовать адаптации ее группы к более широкой социальной среде. Например, во многих случаях таковыми являются творческие способности личности, которые, вызывая зависть и соперничество в контактных группах, могут принести этим же группам почет и более высокий статус среди других социальных групп.

Есть группы, в составе которых много таких неординарных людей. И если бы лидерам таких групп удалось сохранить единство, устойчивость и целенаправленность действий, то, благодаря своей продуктивности, они смогли бы занять высокий статус и приобрести престиж и, таким путем, добиваться высокого уровня адаптированности в обществе. Эти суждения касаются, например, научно-исследовательских групп и учреждений.

Из групповых адаптивных механизмов можно упомянуть также народные традиции и обычаи⁵², которые довольно устойчивы, хотя и могут претерпеть некоторые изменения при передаче от одного поколения другому. Степень этих изменений зависит, конечно же, от типа общества (традиционный, буржуазный и т. д.) и от того периода истории нации, в котором она находится. Для создания психологии этих групп исследование адаптивных функций традиций и других аспектов культуры совершенно необходимо. Это полезно также для раскрытия **исторических аспектов адаптивных процессов**, кристаллизации адаптивных механизмов, их комплексов и стратегии, а также результатов их использования в культурном наследии народа.

Можно, конечно, сформулировать и более общую проблему в виде следующего вопроса: какое адаптивное значение имеют те или иные элементы культуры данной этнической группы как для всего этноса, так и в жизни отдельных его представителей? Что происходит, когда те или иные элементы национальной культуры в новых условиях теряют свое адаптивное значение?

В. О групповых защитных механизмах

Из всех адаптивных механизмов групп и индивидов в данной работе нас интересуют в первую очередь **защитные механизмы**. Первоначально, в работах З. Фрейда, А. Фрейд, Э. Джонса и других психоаналитиков, защитные механизмы и процессы рассматривались только в качестве способов личностной адаптации, т. е. связывались с индивидом и его самосознанием (“я”).

Ясно, однако, что по мере проникновения психоанализа в область социальной и этнической психологии должна была возникнуть аналогия между личностью и группой. И такая аналогия четко представлена, например, в одной из работ У. Р. Байона, выдвинувшего идею “коллективных защитных механизмов” по аналогии с индивидуальными⁵³. Не зная еще работ этого автора, мы в 1988 году выдвинули эту же идею о групповых защитных механизмах в монографии, где предложена подробно разработанная теория социально-психиче-

⁵² См.: Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория, с. 120.

⁵³ См.: Bion W. R. Experiences in groups. London, 1961.

ской адаптации личности⁵⁴. Конечно, эти идеи находятся еще на первоначальном этапе разработки. Мы намерены в данной книге, на примере психологической самозащиты этносов, представить более разработанные представления о групповых защитных механизмах. Отметим, что об идеях У. В. Байона очень кратко написали Г. М. Андреева и ее соавторы⁵⁵, но без добавления каких-либо новых результатов.

Г. Социальный и этнический статусы и психическая защита

Как личность в группе или организации имеет свои статусы, так и социальные группы имеют свой статус в групповой иерархии общества.

Исследователи заметили, что представители классов и общественных групп, занимающих в обществе низкие статусы, а также представители этнических меньшинств, приобретают **характерный защитный психический склад** (a typical defensive mentality). Причина в том, что к ним не проявляется такое же отношение, как к другим, и со временем они сами начинают воспринимать себя в качестве объектов дискриминации, презрения и эксплуатации. У таких людей уровень самоуважения бывает низким и они вынужденно выполняют такие роли, которые затрудняют для них приобретение самоуважения. Как уважать себя, когда вынужден выполнять такие унижающие человеческое достоинство роли – вот логика таких людей⁵⁶.

Конечно, недостаточно дать название открытому явлению – “защитный психический склад”. Следует раскрыть его содержание. Но уже то, что об этом начали говорить специалисты, свидетельствует о том, что, во-первых, мы имеем дело с реальным явлением и, во-вторых, речь идет о рабской психологии. Какими типичными защитными механизмами, комплексами и стратегиями обладают люди с рабской психикой, “психологические рабы”?

Но здесь хотелось бы отметить, что в различных обществах, особенно в европейских и американских демократических странах, все время увеличивается число людей, занимающих средние социально-экономические статусы. В различных обществах распределение людей и семей по низким, средним и высоким статусам (стратам или классам) различно. Увеличение числа людей со средними статусами свидетельствует о прогрессе общества по пути демократии. Но для психолога важно то, что при этом, по-видимому, уменьшается число людей, занимающих низкие, пренебрегаемые статусы и имеющих защитный психический склад. Правда, вопрос о том, какие черты характерны для среднего класса, каковы его типичные фрустрации и защитные механизмы, все еще ждет своих исследователей.

§ 2.5. Социальная реорганизация как попытка адаптации

Процессы социальной мобильности и дезорганизации вызывают потребность в реорганизации общества. Реорганизацию общества можно считать поиском способов адаптации социальной структуры к изменившимся условиям. Это аналогично реадaptации личности в условиях появления совершенно новой для нее ситуации. Реорганизация и реадaptация общества могут быть как спонтанными и незапланированными, так и принимать вид запланированных изменений. Последнее явление уже длительное время исследуется в американской социальной психологии⁵⁷.

⁵⁴ Налчаджян А. А. Социально-психологическая адаптация личности. Формы, механизмы и стратегии.

⁵⁵ Андреева Г. М. и др., Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). М., Изд-во МГУ, 1978, с 159–161.

⁵⁶ См.: Shibutani T. and K. M. Kwan, Op. cit., p. 35.

⁵⁷ См., например: Sampson, E. E., Social Psychology and Contemporary Society, Chapter 18.

Реорганизовать общество означает по-новому складывать и интегрировать системы общества, образцы поведения и оценки. Реорганизация может иметь место как в микро-структурах, так и в микро- и макроструктурах одновременно. «Реорганизация, – писал Ян Щепаньски, – это процесс поисков новых принципов упорядочения изменившихся элементов общности, или, иначе, поиски нового жизненного порядка общности. Она может быть предпринята целенаправленно как сознательное усилие, направленное на создание новых основ функционирования и развития общности, может осуществляться как процесс спонтанного приспособления новых элементов или приспособления к новой ситуации. Следует подчеркнуть, что реорганизация, предпринятая как планомерное мероприятие, в первой фазе реализации, как правило, усугубляет дезорганизацию и что этот переходный период неизбежен»⁵⁸.

Описание процессов социальной реорганизации – первый этап исследования. Следует найти закономерности спонтанных и целенаправленных социальных процессов реорганизации как процессов адаптации к новым условиям жизни. Одновременно следует найти пути и закономерности перехода от индивидуальной адаптации к новым (проблемным) условиям к процессам групповой адаптации, и отсюда – к процессам адаптации более широких общностей, вплоть до глобального общества и адаптации различных обществ друг к другу на международной и межэтнической арене. Например, каким образом агрессивность отдельных индивидов или другие их характеристики и адаптивные механизмы суммируются в групповых адаптивных процессах. При этом следует особо рассмотреть, конечно, роль лидеров как людей, являющихся эталонами для многих, показывающих примеры разрешения конфликтов и психологической адаптации вообще.

При исследовании этих процессов следует иметь в виду следующую мысль Яна Щепаньского: «...планирование, не считающееся с естественными и спонтанными закономерностями процессов, вызывает, как правило, огромное количество непредвиденных и нежелательных явлений, подрывающих его успешность и целесообразность»⁵⁹. Точно так же социальные революции, не исходящие из подлинных закономерностей развития общества, обречены на провал.

§ 2.6. Соперничество этносов как фрустратор

Присутствие на территории проживания этноса другой этнической группы является сильным фрустратором по разным причинам. Играет роль **территориальность** и «инстинкт» защиты территории. Имеет значение нехватка пищевых ресурсов и т. п. Но есть еще один и сравнительно малоисследованный фактор: **соперничество**. Если пришельцы более трудолюбивы и добиваются больших успехов в учебе, труде, бизнесе и политике, а туземцы по всем этим линиям отстают от них, то для того, чтобы сохранить свою позицию и положительную я-концепцию, они вынуждены соперничать с этим этносом.

На данное явление обратил внимание Мирон Вайнер⁶⁰, исследовавший этнические конфликты в Индии. Он считает, что присутствие чужого этноса воспринимается как угроза, поскольку уже простое его присутствие и успехи могут показать наличие недостатков в характере местного этноса. Если оказывается, что чужаки более успешны в учебе, торговле и в других областях деятельности, то у местного этноса появляются импульсы соперничества и мотивация внесения в общество изменений. Не всегда приятно, когда надо измениться.

⁵⁸ Щепаньски Я. Элементарные понятия социологии, с. 206.

⁵⁹ Щепаньски Я. Указ. соч., с. 206. См. также: Barnett H. G., Innovation: The Basis of Cultural Change. New York, 1953; Gillfilian, S. C. The Sociology of Innovation. Chicago, 1935.

⁶⁰ Weiner M., Sons of the Soil: Migration and Ethnic Conflict in India. Princeton: Princeton Univ. Press, 1978, pp. 353–354.

Кроме того, члены местного этноса могут считать, что пришельцы добиваются успехов, поскольку имеют неприятные черты: они работают долго и напряженно, более пунктуальны в своих привычках, мало отдыхают, их жизненный стиль более агрессивен⁶¹.

Но когда члены местного этноса выдерживают эти импульсы и отказываются измениться, считая черты и поведение пришельцев неприемлемыми, тут на сцену выступает образованная элита в целом отсталой этнической группы. Она, эта элита, увещевает и заставляет членов своего этноса измениться, соперничать и добиваться успехов. Исторических примеров, подтверждающих существование данного явления, сколько угодно. Так, русский царь Петр Первый заставил русских стать цивилизованными и соперничать с Европой. На этом пути были достигнуты огромные успехи. Другой пример: Армения в течение веков находилась во власти то одного, то другого завоевателя, и чтобы сохраниться как нация, армяне должны были соперничать с завоевателями. Тут есть, однако, важная особенность: очень часто сами завоеватели во многом адаптировались к армянской (более высокой) культуре, заимствовав из нее многие элементы⁶².

В каждом этносе, долгое время находившемся под гнетом завоевателей, появляются выражения типа: “ничего”, “тихо едешь – дальше будешь”, “медленно спеши” и т. п. Все они созданы для того, чтобы предотвратить быстрые и нежелательные изменения, для оправдания собственной ленивости и нежелания соперничать с более энергичными этническими группами. Когда народ ленив, в его территорию вторгаются – мирно или войной – чужаки и начинают усваивать ее. Сама элита отсталого этноса выступает с критикой летаргичности своего этноса.

Вследствие этого начинается соперничество между этносами. Лидеры все время стимулируют свой народ строгой критикой, обзывая его ленивым, отсталым, фаталистическим и т. п., т. е. стараясь искоренить те черты, которые являются причиной его отсталости. В этносоциологической литературе из жизни народов Индии, Цейлона, африканских стран приводится много примеров подобного поведения элиты, ее призывов к соперничеству и прогрессу. Такую самокритику называют особым **элитным синдромом**. Его особенность состоит в том, что критикуя характер этноса и его ценности, требуют изменить личные качества его членов, считая, что иначе этническая группа навсегда останется отсталой. Для того, чтобы избежать такой участи, им следует учиться у более прилежных соперников.

Лидеры отсталых народов нередко ежедневно увещивают своих сородичей быть такими же энергичными и продуктивными, как и их этнические соперники и противники. Те качества соперников, которые ранее казались неприятными и неприемлемыми (но обеспечили им успех), теперь уже не критикуются. Наоборот, объектом критики становятся уже те черты собственного этноса, которыми он отличается от других этносов. Появляется сильный мотив достижения, стремления к успехам и преобразованиям, а также конструктивная агрессивность. Активные контакты с иностранцами способствуют быстрому изменению этнических черт народа. Смягчается предубежденность против иностранцев, которая очень сильна у отсталых и изолированно живущих народов. Но, соперничая с чужаками, их продолжают считать неприятными людьми.

“Догнать и перегнать” – вот основной мотив членов элиты отсталых народов. **Мотив достижения** начинает играть решающую роль в их поведении, к этому они стимулируют также свой народ. Вспомним один из основных лозунгов большевиков: “Догнать и перегнать развитые капиталистические страны по производству продукции на душу населения”. В этом призыве было признание собственной отсталости. Лидеры большевиков стремились

⁶¹ Weiner M., Указ. соч., с. 353–354.

⁶² См.: Еремеев Д. Е. Этногенез турок. М., “Наука”, 1971; его же: На стыке Азии и Европы: Очерки о Турции и турках. М., “Наука”, 1980.

сознательно внедрить в народе мотив достижения и стремление к соперничеству. Правда, их систематические действия по подавлению личности почти сводили на нет собственные усилия по воспитанию активного, передового и готового на соперничество народа.

В подобных случаях возникает противоречие между традиционными этническими чертами и установками народа и теми новыми требованиями, которые к нему предъявляются соперниками и собственной политической элитой⁶³. Иногда новые лидеры таких этносов просят уступок, временных поблажек для своего этноса, пока он не догонит передовых. Этим признается некоторая незрелость, инфантильность своего этноса, черты, которые, однако, считаются преодолимыми.

§ 2.7. Соперничество этнических групп и страх перед исчезновением

А. Неизбежность соперничества

Соперничество этносов в современном мире неизбежно почти так же, как неизбежны их контакты и сосуществование. Соперничество разворачивается по всем параметрам культуры и этнопсихологических свойств. Соперничают этносы в экономике, военном деле, политике и культуре. Слабые подражают сильным, хотя нередко презирают и ненавидят их, их образ и стиль жизни и те психические качества, благодаря которым они оказались впереди. Мотив достижения, агрессивность, честолюбие, беспощадность и другие качества, предопределяющие экономический, военный и политический успех – не всегда приятные качества, особенно когда они даны сопернику. Но представители слабого (отсталого) этноса, по-видимому, идентифицируются с ними, желают стать такими же, чтобы не отставать от них безнадежным образом и не переживать чувство собственной неполноценности. Для народов с традиционной культурой названные человеческие черты неприятны. Но вот для их элит они становятся желательными и, как мы увидим, элита предъявляет повышенные требования к своему “ленивому” и “спящему” народу.

Постепенное распространение по всему миру западной культуры и образа жизни, демократических ценностей (они в основном индивидуалистичны) делает соперничество между этносами и внутри этносов, между составляющими его социальными группами, неизбежным.

Б. Страх перед исчезновением

Перед многими относительно немногочисленными этносами в ходе соперничества с более могущественными и “передовыми” нациями очень конкретно и ощутимо встает **проблема существования**. Эти этносы стоят перед возможностью ассимиляции или истребления, т. е. исчезновения. Иногда они драматизируют существующую опасность и их поведение в значительной мере принимает самозащитный характер. Каким образом сохранить себя и не исчезнуть с исторической арены? – Вот вопрос, явно или подспудно беспокоящий их и свидетельствующий об их **экзистенциальной фрустрированности**.

О реальности страха существования говорят многочисленные свидетельства исследователей, печати и других источников⁶⁴. Многие этносы Азии, находясь перед угрозой исчезновения, говорили исследователям, что не хотели бы разделить участь краснокожих индей-

⁶³ См.: Horowitz D. L., Op. cit, pp. 176–177.

⁶⁴ См.: Gordon, B. K., The Dimensions of Conflict in Southeast Asia. Englewood Clifford (N. J.): Prentice-Hall, 1966; Weiner M., Sons of the Soil; Horowitz D. L., Op. cit., pp. 176–178.

цев. Сикхи стремились к независимости, поскольку считали, что иначе исчезнут как нация. Лидеры этносов придают особое значение обладанию собственной землей как условием существования. Причем одинаково страшны для этносов как физическое истребление, так и полная ассимиляция. Поэтому считается важным сохранение народом своей индивидуальности, своей этничности, культуры и самосознания. Как только ощущается угроза этнической я-концепции, начинается борьба против представляющих опасность этносов и наций. Справедливо считается, что отсутствие сильной этнической культуры делает этнос уязвимым перед чужим влиянием. Перед нашими глазами, в XX веке, те народы, которые отказались от своей традиционной культуры, исчезли с лица земли.

Такова судьба многих этносов, живших на островах южных морей. Даже канадцы французского происхождения, плотно населяющие Квебек, переживают страх перед языковой ассимиляцией. То же самое касается басков, живущих на севере Испании.

Страх перед исчезновением часто имеет реальные территориальные и демографические причины. Если сравнительно небольшой по численности народ окружен морем чужих этносов, то страх перед возможным исчезновением имеет самые реальные предпосылки и вовсе не является иррациональным.

Любопытно, что страх перед гибелью в ходе соперничества этносов переживают и те из них, кто имеет высокие темпы естественного роста. Правда, здесь возникает проблема: возможно, что именно страх перед исчезновением и заставляет этнос быстрее размножаться. Например, известно, что сикхи за последние несколько десятилетий имеют скорость размножения, превышающую средние показатели Индии. Есть и целый ряд других сходных фактов.

Подобные данные показывают, что страх перед уничтожением, ассимиляцией и подчинением оказывает глубочайшее влияние на всю жизнедеятельность и мировосприятие этнических групп. Подобные страхи и тревоги постороннему наблюдателю могут показаться чрезмерными и иррациональными. Но они есть и оттеняют все взаимосвязи подобных этнических групп.

Почему, по каким причинам возникают такие страхи и тревоги? Опираясь на современную психологию эмоций и психоанализ, Д. Горовиц предлагает несколько объяснений. Следует, прежде всего, провести различие между страхом и тревогой. Страх имеет известную осознаваемую причину, тогда как тревога является переживанием без видимой и осознаваемой причины. Тревога личности выражает ожидание неприятных, даже опасных событий в будущем. Тревога и страх иррациональны в том случае, когда чрезмерны, т. е. не соответствуют уровню наличной или ожидаемой опасности. Слабая угроза может оцениваться как сильная, порождая неадекватно сильную эмоциональную реакцию в виде страха или тревоги. Исходя из этого предлагаются следующие объяснения:

1) Страх перед субординацией является неременным атрибутом жизни в неранжированных обществах. В таких обществах всегда присутствуют неопределенность и дискомфорт. Это, по-видимому, объясняется тем, что в неранжированных обществах всегда есть потенциальная возможность превращения в общество этнически ранжированного типа. Ясно, что относительно слабые этносы будут переживать тревогу перед такой возможностью.

2) Страх перед исчезновением или “затоплением” налицо в этнически строго ранжированных обществах, в которых нижестоящим этносам предъявляются крайне непривлекательные требования, например требование отказаться от своего национального языка, как это имеет место в Турции, где представители доминирующего этноса требуют от курдов отказаться от своего языка, этничности и стать турками.

3) Ожидание опасности существованию своего этноса вызывает у его членов агрессивность, враждебные и чрезмерные требования к вышестоящим или к правительству. Примером может служить требование сингалцев считать, будто в их стране (Шри-Ланке) суще-

ствуют только они – сингалыцы. Существование в обществе двух или более этнических субобществ – ситуация, полная напряжения, и в подобных случаях появляются требования превратить общество в **гомогенное**. Так, в Турции осуществляется политика создания единой турецкой нации, в которой курдам отведено место “горных турок”. Для создания этнически гомогенного общества и государства используются такие средства, как ассимиляция, высылка и даже уничтожение.

§ 2.8. Дискриминация и активизация этнической самозащиты

Начнем с рассмотрения конкретного случая. Сравнительное исследование армянских общин в Ливане, в странах Европы и США показало, что в условиях доминирования ислама армянская община Ливана более консолидирована, чем общины армянского этноса в христианских странах Запада. Армяне Ливана живут компактно, имеют свои этнические организации, все ее члены хорошо владеют армянским языком. Армянская апостольская церковь является важным этнозащитным фактором, способствующим самоидентификации и консолидации армян этой страны. Что касается армянских общин в странах Запада, то здесь все – наоборот: армянским языком владеют, причем кое-как, только представители старшего поколения, а молодежь в лучшем случае владеет лишь примитивной разговорной речью; периодические издания выходят в основном на языках доминирующих народов (английском, французском, испанском). Армяне в этих колониях большей частью живут дисперсно, а церковь является лишь одним из направлений христианства и поэтому не играет той этнозащитной роли, какую она играет в Ливане, Сирии и Иране⁶⁵.

Согласно нашей гипотезе, **дискриминация средней интенсивности вызывает активное сопротивление ассимиляции и оптимальную активность этнозащитных механизмов, вследствие чего этнос и его самосознание долгое время сохраняются**. Так в основном обстоит дело в общинах армян в странах Востока, кроме Индии, Афганистана и ряда других, где сравнительно небольшие армянские общины растворились или эмигрировали в другие страны.

Что же касается армянских общин на Западе, то здесь идет их активная и добровольная ассимиляция. Некоторые признаки не оставляют никакого сомнения в этом: а) плохое знание родного языка, б) дисперсное проживание, в) небольшое число лиц, активно участвующих в общественных и политических организациях этноса, г) большое число маргиналов, д) отсутствие у многих связей с родиной предков, е) ослабление роли церкви, и т. п. Э. Л. Мелконян очень верно называет описанные восточные и западные армянские общины “полярными типами”.

Эмиграция армян из Ливана и других стран Среднего Востока, а теперь уже и из самой Армении на Запад, значительно увеличило число маргиналов и ассимилирующихся армян в Европе и США. Поэтому для сохранения армянского этноса необходимы энергичные шаги по усилению их этнозащитных механизмов и стратегий. Сходные явления и аналогичные задачи возникают в жизни всех народов, имеющих диаспору.

⁶⁵ Мелконян Э. Л. Проблемы ассимиляции и этнического самосохранения в современной армянской диаспоре. – В сб.: Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов. Тезисы докладов, Часть 2, Черновцы, 1984, с. 395–397.

Литература

1. **Андреева Г. М., Богомолова Н. Н., Петровская Л. А.** Современная социальная психология на Западе (теоретические направления). Изд-во МГУ, М., 1978.
2. **Беккер Г., Босков А.** Современная социологическая теория. М., 1961.
3. **Еремеев Д. Е.** Этногенез турок. М., “Наука”, 1971.
4. **Еремеев Д. Е.** На стыке Азии и Европы: Очерки о Турции и турках. И., “Наука”, 1980.
5. **Майерс Д.** Социальная психология. Санкт-Петербург, “Питер”, 1997.
6. **Мелконян Э. Л.** Проблемы ассимиляции и этнического самосохранения в современной армянской диаспоре. – В сб.: Всесоюзной сессии по итогам полевых этнографических и антропологических исследований 1982–1983 годов. Тезисы докладов, Часть 2, Черновцы, 1984, с. 395–397.
7. **Налчаджян А. А.** Социально-психическая адаптация личности. Ереван, Изд-во АН Армении, 1988.
8. **Налчаджян А. А.** Личность, психическая адаптация и творчество. Ереван, Изд-во “Луис”, 1980.
9. **Смелзер Н.** Социология. М., “Феникс”, 1994.
10. **Hartmann H.** Ego Psychology and the Problem of Adaptation, New York, 1958.
11. **Horowitz D. L.** Ethnic Groups in Conflict. University of California Press. Berkley et al., 1985.
12. **Merton R.** Social theory and social structure. Glencoe (111.), Free Press, 1957.
13. **Sampson E. E.** Social Psychology and Contemporary Society. New York, 1971.
14. **Shibutani T. and K. M. Kwan** Ethnic Stratification: A Comparative Approach. Macmillan Co., New York, 1965.
15. **Weiner M.** Sons of the Soil: Migration and Ethnic Conflict in India. Princeton University Press, 1978.

Глава 3. Этнозащитные механизмы и процессы

§ 3.1. Общая характеристика

Перед каждой этнической группой, уже в “момент” зарождения, возникает вопрос о своей физической и психологической защите. Физическая защита этноса осуществляется путем ускоренного размножения, созданием боевых отрядов, вооружений и регулярных армий. Хотя эти два аспекта этнической самозащиты тесно связаны друг с другом, мы в настоящей книге будем заниматься только вопросами психологической самозащиты этноса: защиты его “я”, этничности, психологического склада и культуры. Этнос, как специфическое сообщество людей со своими неповторимыми культурными ценностями, этногенезом и этнопсихологической историей, безусловно нуждается в защите.

Мы уже знаем, что высшим уровнем развития этноса является нация. Мы рассмотрим два уровня этнозащиты: а) глобальный, осуществляемый крупными блоками культуры и другими средствами, и б) специфический, осуществляемый с помощью специальных защитных механизмов и их комплексов. На данном уровне образуется ряд защитно-адаптивных стратегий, о некоторых из которых мы уже писали в предыдущей главе. И хотя этническая самозащита свойственна как доминирующим, так и подчиненным нациям и этносам, мы рассмотрим ее главным образом на примере самозащиты подчиненных этнических меньшинств, для которых проблема самосохранения стоит особенно остро.

А. Глобальная этническая самозащита

На данном уровне главным средством защиты этноса является вся его **культура**. Здесь задача состоит в том, чтобы сохранить различные элементы культурного фонда и вновь их актуализировать, а также создать или внести в культуру новые элементы. Последние тоже, по мнению исследователей, играют этнозащитную роль. Это можно понять в том смысле, что обновление этнической культуры – одно из условий обеспечения защиты этноса в новых условиях.

В качестве этнозащитного механизма используются также осуществление, проведение в жизнь исторических прав народа на свою родину, защита ее от посягательств извне.

Но этого, конечно же, мало. Мы считаем важным сохранение типа традиционной национальной семьи, обеспечение ее однородного в этническом отношении характера. Семья может стать одним из устойчивых центров национальной психологии, если сама она сохраняет свою устойчивость и традиционный характер. Насколько это трудная задача – общеизвестно.

Третий мощный “защитный блок” нации – ее религия и церковь. Религиозные различия между нациями – эффективное средство их разграничения и самозащиты. Хотя религиозные гонения – явление вредное и разрушительное, но если они не сопровождаются насилием, могут играть положительную роль: усиливают национальное и религиозное самосознание, чувство самобытности и отличия от других этносов, вследствие чего, а также с целью самосохранения, гонимые этносы сплачиваются. Примеров тому множество. Так, во Франции, где армян приняли хорошо и не подвергали религиозным гонениям, они в значительной части слились с местным этносом и уже офранцужены. Точно так же в Венгрии, Польше и других странах. В то же время, как уже сказано, в странах мусульманского Востока, армянские христианские общины, живя в мусульманской среде, сохранились и имеют свои национальные школы, церковь, политические и культурные организации. Есть армянские квар-

талы в Бейруте, Дамаске и других городах со своими очагами культуры, издательствами и типографиями и т. п. Но проникновение западной культуры в страны Востока оказывает разрушительное воздействие на армянские общины, из которых многие семьи и отдельные люди уже переселились в страны Западной Европы, США, Канаду. В самих общинах Востока усилилось отчуждение людей от своего национального наследия. Западная христианская культура в этом смысле разрушила целый ряд этнозащитных механизмов армянской диаспоры. Многие теряют свой родной язык, который является одним из самых мощных средств этнозащиты.

Поскольку язык, религия, церковь и семья лишь частично обеспечивают этнозащиту, ставится задача создания международных национальных организаций, которые могли бы обеспечить единство нации в мировом масштабе. Но это уже связано с различием интересов различных общин: существуют политические “разночтения”, в том числе между “метрополией” и этническими общинами диаспоры. Идет сложная борьба за самосохранение, в которой нужны новые средства, новые механизмы и стратегии. Этнические границы защищаются с помощью веры, традиций, устойчивого национального быта, национальными традициями в семейной жизни, запретом смешанных браков и другими средствами, но у национальных меньшинств со временем все эти средства могут стать слабыми и неэффективными под влиянием преобладающей культуры и новых мотиваций.

Во все исторические периоды одним из средств этнозащиты являлась **самоизоляция этноса**. Там, где данный механизм по тем или иным причинам ослаблен, начинается ускорение ассимиляции. А это означает, что этнозащита крайне ослаблена и неэффективна. Например, во многих странах ассимиляция армянского этноса в состав доминирующей нации и ее культуры идет быстрыми темпами по причине ослабления самоизоляции общин. Когда границы этнической группы открыты и самоизоляция ослаблена, увеличивается физическая и психологическая дистанция между членами этнического меньшинства. Увеличивается число контактов с представителями других этносов, причем с ними устанавливается все больше устойчивых деловых и личных отношений. Увеличивается число смешанных браков. Резко снижается уровень сплоченности этнического меньшинства. Например, такое положение сложилось в армянских общинах России, США, Франции и других христианских странах. Здесь члены одного этноса уже не знают друг друга, они пространственно тоже все больше удаляются друг от друга, живут дисперсно, поэтому организация школ, культурных центров и общественных организаций затруднена.

Существует, однако, ряд эффективных средств активизации контактов между членами этнической группы, живущей в среде другой, преобладающей нации. Средствами изменения социальной дистанции являются личные контакты, средства массовой информации (радио, телевидение, печать). Они усиливают чувство “мы”, принадлежности одному этносу. Некоторые средства массовой коммуникации сохраняются и используются только внутри этноса (например, телепрограммы), что усиливает самоизоляцию и чувство различия от других этнических групп. Такие попытки действительно предпринимаются в различных общинах диаспоры.

В результате самоизоляции этнической группы усиливается **имбридинг** – заключение брачных союзов только внутри этноса, вследствие чего через некоторый промежуток времени формируется определенный **антропологический тип**. Специалисты отмечают, например, что американские негры уже значительно различаются от своих африканских предков и современных африканских негров: у них (во всяком случае у многих) более светлая кожа, а у значительной части появились черты кавказоидов (арменоидов). О роли эндогамии как защитного средства этносов, говорили и другие авторы⁶⁶.

⁶⁶ См.: Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М., 1973, с. 119.

Б. Структурная этническая самозащита

В глобальной этнозащите мы выделяем одну, которую считаем целесообразным назвать **структурной этнической самозащитой**. Мы знаем, что защитные механизмы и стратегии этноса, живущего в среде доминирующей нации, направлены **против ассимиляции и ее агентов**.

И вот, как только новая этническая группа, по каким-то причинам покинувшая родину своих предков, оказывается в среде многоэтнического общества с иерархической организацией, перед ней встает проблема самозащиты от агентов ассимиляции и их культуры. Этническая защитная тенденция особенно сильно выражена у первого поколения иммигрантов, которые являются носителями своей этнической культуры, т. е. этнофорами.

Есть несколько возможных стратегий самозащиты этноса и мы о них уже знаем. Одной из самых эффективных следует считать ту, которую мы здесь называем структурной самозащитой. Она выражается в том, что этнос создает свои органы управления, структурирует себя, создает общественные и политические организации, школы, церковь и т. п. **Создавая свою разветвленную структуру, этносы превращаются в маленькие общества, самоуправляются и сохраняют себя.**

Мы считаем, что структурная самозащита направлена не просто против ассимиляции вообще: она в первую очередь направлена против **структурной ассимиляции**, под которой М. Гордон понимает проникновение нового этноса (этнического меньшинства) в ассоциации и клики коренного (доминирующего) общества⁶⁷. М. Гордон имеет в виду лишь проникновение в **первичные группы** коренного общества. Мы же считаем, что желание ассимилироваться у членов этноса может распространяться как на первичные, так и на вторичные, как на неформальные, так и на формальные группы. Этому желанию идут навстречу некоторые агенты ассимиляции: государственные учреждения (например, иммиграционные службы), различные общественные организации (например, профессиональные ассоциации) и т. п. Поэтому этнозащитная стратегия первого поколения иммигрантов направлена в целом против структурной ассимиляции на различных уровнях.

Во втором и последующих поколениях эта стратегия теряет свою силу и широкий охват: дети иммигрантов, получая образование по критериям коренной культуры, могут проникать во все формальные и неформальные структуры общества. Они начинают заключать смешанные браки, появляются бизнесмены и государственные служащие – выходцы из среды этнического меньшинства и т. п. Подобное ослабление структурной самозащиты мы наблюдаем, как уже должно быть очевидно из предыдущего изложения, в некоторых армянских общинах Запада.

Есть, однако, одна проблема, которая здесь должна быть упомянута. Дело в том, что ход построения структурной этнозащиты и ее последующих изменений очень сильно зависит не только от этнокультурных, но и от расовых различий двух соприкасающихся этносов. Чем заметнее эти различия, тем дольше сохраняются структурные блоки этой формы защиты. Более того, они со временем могут даже возобновляться и усиливаться. Данное явление мы видим, например, у афроамериканцев в США, у некоторых тюркоязычных народов монголоидной расы, живущих в России и у других этносов в различных странах мира.

Наконец, наблюдения показывают, что различным этническим или религиозным группам удается добиваться того, что у них ассимиляция реализуется на уровне вторичных групп, а на уровне первичных социальных групп они сохраняют свою самобытность. Это означает, что представители таких групп проникают в сферу бизнеса, государственной службы,

⁶⁷ См.: Gordon M. M. *Assimilation in American Life*. New York: Oxford University Press, 1964.

в армию и т. п., однако сохраняют свои этнические семьи, религию и другие этносоциологические и этнопсихологические черты. В таком состоянии в настоящее время оказались, например, протестанты, католики и евреи (их религиозные общины), иммигранты из разных стран, живущие в США. Это означает, что данные группы осуществляют структурную самозащиту лишь на уровне первичных групп, а на уровне вторичных эта стратегия самозащиты у них ослаблена. Это позволяет им пользоваться теми возможностями экономических и политических свобод, которые предоставляются в американском обществе. При этом, как мы видели и как говорил М. Гордон, сохраняется **структурный плюрализм**. Однако те этносы, которые не сумели организовать эффективную структурную самозащиту, шли дальше по пути ассимиляции и потеряли свой культурный и структурный плюрализм.

Здесь целесообразно предложить одну общую идею о различных формах и стратегиях этнической самозащиты. Исходя из того, что существует ряд разновидностей ассимиляции, а этническая группа в целом защищается именно и главным образом от этого процесса, этническую защиту тоже можно дифференцировать. **Наша идея состоит в том, что против каждого вида ассимиляции следует использовать соответствующий вид этнозащиты**. Как мы видели, против структурной ассимиляции целесообразно бороться средствами структурной самозащиты. Это положение распространяется и на остальные виды ассимиляции.

В. Этническая картина мира и этнозащита

Свой подход к культуре в целом как об этнозащитном механизме в настоящее время развивает С. В. Лурье. Она исходит из представления Э. Шилда о существовании “центральной зоны” культуры, куда, по ее мнению, входят не верования и ценности, а “адапционно-деятельностные модели”, которые она отождествляет с установками. Можно согласиться с мыслью С. В. Лурье о том, что защитная функция этнической культуры является наиболее значимой ее функцией⁶⁸.

Каким образом этнос адаптируется к миру? Ответ сводится к утверждению: через создание этнической картины мира (этнического образа мира). Все, что воспринимается, дается название, все символизируется и т. п., и создается своеобразный этнический образ мира. Процветание этноса зависит от эффективности его психологических защитных механизмов, их развитости и гибкости. “Так, в критической ситуации этнос с хорошо налаженным механизмом психологической защиты может бессознательно воспроизвести целый комплекс реакций, эмоций, поступков, которые в прошлом, в похожей ситуации, дали возможность пережить ее с наименьшими потерями. Это особенно бросается в глаза у народов с трудной исторической судьбой, но в целом относится ко всем”⁶⁹. Далее защитные механизмы этноса подразделяются на две группы: на специфические (направленные против конкретной угрозы) и неспецифические (в качестве такого механизма указывается этническая картина мира). Далее автор рассматривает структуру этнической картины мира, ее неосознанность, развитие во времени и другие вопросы. Как мы видим, налицо не только понимание реальности глобальных этнозащитных механизмов, но и определенная концепция о них. Этническая картина мира, отчасти как результат работы защитных механизмов, стоит в качестве барьера между внешней реальностью и этническим бессознательным (этническими константами). Этот барьер имеет две функции: 1) **вытеснение** из сознания и бессознательного всех тех впечатлений и информации, которые могут нанести ущерб целостности этнических констант; 2) **контроль** над импульсами бессознательного, направленными на внешний мир. Но при этом отмечается, что индивид может контролировать лишь отдельные

⁶⁸ Лурье С. В. Историческая этнология, с. 221.

⁶⁹ Указ. соч., с. 221–222.

конкретные проявления этнических констант, тогда как сами эти константы остаются бессознательными, т. е. вне контроля, и могут проявляться в других формах. (Указ. соч., с. 224).

В целом идея о защитных функциях культуры этноса и ее отдельных частей, например, этнической картины мира, верна. Но этнопсихолог должен идти дальше и попытаться раскрыть конкретные механизмы этнозащиты против внешних и внутренних угроз, фрустраций и стрессов, что и мы пытаемся делать в данной книге.

Г. Традиция и этнозащита

Одним из первых идею существования особого класса явлений – этнозащитных механизмов – высказал армянский культуролог Э. Л. Мелконян⁷⁰. Он особо отметил этнозащитную функцию **культурных традиций**. При этом используется идея известного культуролога Э. С. Маркаряна о том, что никакая традиция не может предвидеть все изменения среды, поэтому адаптация с помощью традиции происходит “благодаря индивидуальной модификации традиционных моделей деятельности”⁷¹.

Идея состоит в том, что когда этнодифференцирующих признаков недостаточно для сопротивления действию более сильных этносов, могут актуализироваться существующие в латентном состоянии традиции, играя этнозащитную роль.

Специально при этом следует обсуждать роль инноваций в этнозащите. Об этом нам говорят: “...В качестве этнозащитных механизмов могут выступать явления, заимствованные из других культур и представляющие собой в целом инновацию для данной этнической культуры. В случае, если данные механизмы или средства оптимальным образом выполняют возложенные на них функции, они тем самым включаются в основной фонд этнической традиции и в дальнейшем уже сами начинают выполнять роль этнодифференцирующих средств. В способности этнической культуры к своевременной и действенной адаптации к изменяющейся внешней среде можно видеть меру ее пластичности и оптимальной дееспособности как особого социального организма”⁷².

При этом, конечно, следует иметь в виду, что инновации бывают не только заимствованными: они могут быть результатами творческого развития самой этнической культуры, ее потенциальных возможностей.

Особенно полезна и требует дальнейшей разработки идея о том, что этнозащитные механизмы со временем могут стать этнодифференцирующими признаками. Это утверждение следует проверять не только при рассмотрении традиций и инноваций, но и всех остальных этнозащитных механизмов, их комплексов и стратегий. Причем данная идея близка к развиваемой в настоящей книге концепции, согласно которой одним из путей формирования национального характера является закрепление в психике этнофоров устойчивых защитных механизмов и их комплексов. Поскольку черты национального психического склада могут выступать в роли этнодифференцирующих признаков, то приведенная идея может иметь значение и при исследовании национального характера. К сожалению, Э. Л. Мелконян пока что не раскрыл все потенциальные возможности, которые содержатся в идее превращения этнозащитных механизмов в этнодифференцирующие признаки.

⁷⁰ Мелконян Э. Л. Некоторые аспекты изучения этнических культур. – В сб.: “Философские проблемы культуры”. Изд-во “Мецниереба”, Тбилиси, 1980, с. 119.

⁷¹ Маркарян Э. С. Культурная традиция и задача дифференциации ее общих и локальных проявлений. – В сб.: Методологические проблемы исследования этнических культур. “Материалы симпозиума”. Ереван, 1978, с. 85.

⁷² Мелконян Э. Л., Указ. соч., с. 121.

§ 3.2. Этнозащитная роль языка

А. Язык в процессе психической самозащиты (новая концепция)

Одним из глобальных этнозащитных механизмов является язык народа, который одновременно выступает также этнодифференцирующим признаком. Обсуждение этнозащитной функции языка начнем с замечательных слов И. С. Тургенева: “Во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах моей родины ты одна мне поддержка, о великий, могучий, прекрасный и свободный русский язык”⁷³. Ясно, что для писателя русский язык был средством психологической самозащиты от фрустраций. В целом, идея о том, что язык является одним из основных культурных достижений народа и служит сохранению его самобытности, его этнических границ, достаточно ясна. Однако задачей психологии является конкретизация этнозащитной роли языка. Мы должны понять, **с помощью каких конкретных словесных механизмов он выполняет эту свою функцию на индивидуальном и групповом уровнях.**

Для этого надо вспомнить, что при рассмотрении защитных механизмов личности мы выделяем⁷³, вслед за психоаналитиками⁷⁴, такие вербальные психозащитные механизмы, как **интеллектуализация** (как средство разделения мыслей от эмоций), **рационализация** (чаще всего выступающая в форме словесного самооправдания) и другие психолингвистические методы. Эти и другие механизмы действуют как на индивидуальном, так и на групповом уровнях этнозащитных процессов: человек, например, оправдывает как свои личные этнические стереотипы, установки и действия, так и все эти явления, но уже на уровне своей этнической группы.

С целью дальнейшего углубления исследования этнозащитных функций национального языка мы предлагаем **гипотезу**, состоящую из следующих утверждений: 1) каждая этническая группа имеет долгую историю психологической самозащиты, которая оставила глубокий след (отложение) в структуре, словарном запасе, идиоматических выражениях, пословицах, поговорках, мифах, сказках и других аспектах словесности данного народа; 2) защитные словесные формулировки являются также вкладом творчески одаренных людей, оставивших в наследство исторические, художественные, философские и другие произведения. В их трудах имеются многочисленные интеллектуализации, рационализации, проекции и интроекции, а также словесные выражения (вербализации) других защитных механизмов и процессов; 3) следовательно, необходимо развивать специальную ветвь психолингвистики, которая должна заниматься изучением этого огромного материала. Эта наука – **психолингвистика индивидуальной и этнической самозащиты** – должна обнаружить и представить нам, на языке современной психологии, устоявшиеся в языке (словесной культуре этноса) защитные механизмы, их комплексы и стратегии; 4) важной частью нашей гипотезы является следующее утверждение: ребенок в процессе своей социализации, овладевая родным языком, обучается также тем формам, механизмам и стратегиям психической защиты, которые создавались предыдущими поколениями и зафиксированы в национальном языке (а также в фиксируемой языком культуре). Здесь возникает особая и очень интересная проблема: что же происходит, когда человек усваивает ряд иностранных языков, в которых – и в соответствующих национальных культурах – тоже зафиксированы защитные словесные механизмы индивидуального и общенационального уровней? Ведь изучение языка другого

⁷³ Налчаджян А. А. Социально-психическая адаптация личности. Изд-во АН Арм., Ер., 1988, гл. 3.

⁷⁴ Freud A. Das Ich und die Abwehrmechanismen. London, 1946.

этноса в определенной мере требует идентификации с ним, формирования (в определенной степени) второго этнического “я” (идентификации) личности. Поэтому в психике полиглотов, как мы предполагаем, должны иметь место конфликты я-образов и соответствующих защитных механизмов и стратегий, которые несовместимы (бывают, конечно, и совместимые). Но в любом случае изучение других языков и культур расширяет репертуар индивидуальной психической защиты. Защита же этноса на уровне индивида может пострадать. Эта гипотеза открывает новые пути исследования целого ряда явлений, в том числе двуязычия (билингвизма); 5) таким образом, каждый язык делает своего носителя способным на определенные формы защитного поведения, дает ему в руки соответствующие средства. Но в этом аспекте возможности разных языков различны; 6) следующим важнейшим утверждением, входящим в состав нашей гипотезы, является следующее: каждый индивид, усваивая структуру (синтаксис) и словарный запас языка, не только усваивает готовые формы, механизмы и даже стратегии психологической защиты. Он приобретает внутреннюю возможность создания новых механизмов и стратегий, приобретает средства и способности для такого специфического вида творчества. Читатель, знакомый с теориями Н. Хомского и с современной психолингвистикой вообще, сразу же заметит, что в данной гипотезе мы конкретизируем ту общую закономерность, согласно которой когда человек говорит, он не столько повторяет уже известные ему предложения и высказывания (количество которых ограничено), сколько создает (генерирует) все новые и новые высказывания из того языкового материала и по тем правилам генеративной грамматики, которые усвоены им в процессе индивидуального развития. Если есть правила и механизмы генерации новых предложений, то мы предполагаем, что есть правила и механизмы, **специальная грамматика защитных механизмов и стратегий**, которая и порождает новые процессы психологической самозащиты. Итоги этих процессов могут быть не только репродуктивными, но и продуктивными, творческими.

Если брать еще более частный аспект данной проблемы, то можно сказать, что, во-первых, существует общая способность создания новых защитных механизмов и, во-вторых, частные способности создания новых рационализаций, проекций, словесных форм агрессии (например, инвективов), регрессивных форм высказываний и т. п. Генеративная грамматика каждого языка дает его носителю подобные общие и парциальные способности; 7) развиваемая здесь концепция должна опираться на все то, что известно о психо-логике. Ведь каждый словесный процесс психологической защиты обладает своей особой логической структурой, которая с точки зрения формальной логики может показаться бессмысленной или хотя бы просто ошибочной. Например, рационализации часто алогичны, парадоксальны и т. п. **Они психо-логичны.** Именно психологическая логика является если не всей, то хотя бы **подсознательной** генеративной грамматикой, порождающей защитные процессы и механизмы. Она должна быть исследована также на материале сновидений; 8) наконец, мы считаем, что структуры психо-защитной грамматики и психо-логики, как и генеративной грамматики, в определенной мере даны в наследуемой структуре мозга, они в определенной мере наследственны. Вот почему говорящие на разных языках и живущие в разных этнокультурных средах люди, осуществляя психологическую самозащиту, создают не только этноспецифические, но и общечеловеческие, обобщенные (и общие) вербализованные защитные механизмы – рационализации, интеллектуализации, словесные формы агрессии и другие.

Именно благодаря этой обобщенности мы понимаем, что представители других народов осуществляют (и создают) рационализации, проекции, интеллектуализации, словесные формы проекции и агрессии и другие словесные конфигурации защитных механизмов и их комплексов. Эти вербальные формы защиты более или менее точно переводятся на другие языки. Однако раскрытие этнической специфичности этих механизмов и их комплексов – одна из важнейших задач этнопсихолингвистики. Иначе говоря, мы как бы объявляем начало

зарождения новой науки – **этнопсихолингвистики**, в частности – **этнопсихолингвистики защитных процессов**.

Б. Об одном примере “лингвистической этнозащиты”

Этнозащитные процессы связаны с национальным языком и по-другому. О чем идет речь, хорошо видно из следующих фактов, касающихся армянского языка.

Много веков Армения жила в зависимости от завоевателей – иранцев, арабов, римлян, турков. Однако армянский литературный язык в основном сохранил свою чистоту. Интересные примеры приводит известный специалист по армянскому языку Эд. Агаян. Вот некоторые из них.

Из арабского языка армянский язык заимствовал 702 слова, из которых в современном литературном языке используются только 53.

Из турецкого языка в течение веков было заимствовано армянами около 4000 слов, но из них в современном армянском языке не используется ни одно⁷⁵!

Следует иметь в виду, что в настоящее время заимствованные из других языков, особенно из языков отсталых народов, слова чаще всего используются в устной речи самых низких слоев общества (простолюдинов из среды крестьян, ремесленников, деклассированных и девиантных групп), а также более широкими слоями народа, но... в ругательствах!

Мы считаем, что такая строгая селекция слов и выражений является результатом **этнозащитной установки** на воздействия извне. И в связи с этим специально хочется отметить, что пора избавиться от еще бытующих иллюзий о “благородстве простого народа”. Простой народ легко склоняется к засорению своего языка, легко ассимилируется, как только этого требуют его материальные интересы. Простые люди особенно быстро ассимилируются, когда случайно оказываются в составе правящей элиты меньшинства и в маргинальном состоянии. **Самозащитный потенциал нации сосредоточен в основном в типичной национальной интеллигенции и части политических лидеров.**

§ 3.3. Самозащита подвластных этнических групп

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению более частных защитных механизмов, мы рассмотрим основные особенности и тенденции самозащиты подвластных этнических меньшинств. Это обусловлено несколькими причинами. Во-первых, самозащита таких этнических групп ярче выражена, поскольку они занимают в обществе невыгодное, маргинальное положение и, практически, хронически фрустрированы. Во-вторых, именно защитное поведение таких этносов более или менее исследовано и есть о чем говорить. В-третьих, хотя защитно-адаптивные механизмы, комплексы и стратегии занимают значительное место в психическом складе любой нации – доминирующей или подчиненной – все же они более значительны и психологически интересны у малых этносов, вынужденных переживать и претерпевать много лишений. Господствующие этносы тоже защищаются от противников, за “чистоту” своей культуры и т. п., так что специфика их защитного поведения – особый предмет исследования.

В этнологии и этнической психологии особого внимания удостоились те средства и механизмы, с помощью которых народы, оказавшиеся под колониальным гнетом, стремились освободиться от власти чужеземцев. В их психической активности и поведении значительное место занимают защитные процессы. Те механизмы, которые при этом описыва-

⁷⁵ См.: Агаян Эд. Введение в языковедение. Ереван, с. 519 (На арм. языке)

ются⁷⁶, социальным психологам известны, но в контексте этнопсихологических явлений они имеют специфические особенности, которые интересно исследовать у всех притесняемых народов.

1) Как и на уровне индивидов, фрустрация этнической группы вызывает в ней гнев, злость и агрессию, которые, однако, не направляются прямо на ту группу, которая вызвала фрустрацию. С целью избежать ответных наказующих ударов, члены фрустрированной группы прибегают к различным **замаскированным формам защитного поведения**. Например, у разных народов существуют различные игры и театрализованные представления, во время которых символически выражаются нереализованные желания и агрессивность, в том числе защитного характера. Т. Шибутани и К. Кван в качестве примера приводят одну из игр американских негров: она напоминает хоккей и называется “алкура”. Друг против друга играют команды различных районов города и во время игры чернокожий раб наносит удар белому господину, оставаясь безнаказанным. Ясно, что это действие – **символическое удовлетворение реальных агрессивных желаний**. Оно очень нравится зрителям-неграм.

2) Значительное место в этнозащитных процессах занимает механизм **замещения агрессии**, т. е. замена подлинного объекта агрессии (фрустратора) другим объектом. Об этом механизме и его разновидностях мы будем говорить подробно. Психологи и социологи, специально изучавшие поведение негров, пришли к выводу, что обилие у них споров, драк, преступлений и убийств – результат работы именно данного механизма: очень часто свою агрессивность они направляют против представителей своей этнической группы.

3) Обычно исследователи, пишущие об этом явлении, описывая подобные факты, так сказать, “маршируют дальше”, не углубляясь в психологическую суть происходящего. А происходит при этом очень распространенное и фундаментальное этнопсихологическое явление, а именно: **преобразование межэтнической агрессии во внутриэтническую**, и этот процесс, как показывают наши исследования, имеет очень тонкие и интересные механизмы. По существу, процессы преобразования межэтнической агрессии во внутриэтническую (а также обратный процесс) не являются простым “механизмом” поведения. Это чрезвычайно сложный, комплексный процесс, в осуществлении которого участвует целый ряд других, более простых механизмов. В его результате фрустрированные в межэтнических отношениях люди в качестве “козлов отпущения” выбирают своих сородичей. Разрядка агрессии и общей психофизиологической напряженности на представителях своего этноса вызывает некоторую разрядку, катарсис (“очищение души”), но такой агрессор переживает также чувство вины. Постоянное повторение таких переживаний может привести к развитию мазохистских черт личности как у внутриэтнического агрессора, так и у его жертвы. Эта проблема должна быть глубоко разработана с привлечением современных представлений о природе садомазохизма⁷⁷.

4) Этнозащитный характер имеет также стремление этнического меньшинства **скрывать некоторые преступления, совершенные его членами**. Это очень распространенное явление имеет как бы характер **группового вытеснения**, поскольку чтобы не сообщать другим об этих преступлениях, лучше вообще не говорить о них. Если этническое меньшинство живет в большом обществе, то подобные проблемы его представители пытаются решить внутри своей группы и только тогда сообщают о них властям, когда скрывать уже невозможно.

⁷⁶ См.: Shibutani T. and K. M. Kwan, Op. cit, pp. 302–311.

⁷⁷ Эти вопросы мы подробно исследуем в главах об этнической агрессии. О садомазохизме и агрессии см. также работы Э. Фромма: Fromm E., *The Anatomy of Human Destructiveness*. N. Holt and Co., New York, 1992; См. также: Kernberg O. F., *Aggression in Personality disorders and perversions*. Yale Univ. Press, New Haven and London, 1992; Aronson E., *The Social Animal*. W. H. Freeman and Co., New York, a. o. 1995.

Но когда представители этнического меньшинства совершают особо тяжкие преступления против доминирующего этноса, тогда группа с низким социальным статусом активно помогает властям в раскрытии преступления и наказания преступника, **поскольку таким путем можно избавить всю группу от возможного возмездия.**

Можно предположить, что некоторые случаи **предательства** членов этнических меньшинств (или оккупированных народов) имеют именно такую мотивацию. **Сотрудничество с врагом ради спасения своего этноса** часто не находит должного понимания у многих представителей притесняемых этнических общностей. С другой стороны, трусливые лидеры этнических меньшинств могут использовать подобные мотивировки (со ссылками на интересы всей группы, родины и т. п.) для самооправдания.

Но реально бывают случаи, когда завоеватели и колониалисты, в ответ на преступные действия отдельных людей (в какой мере это преступление – другой вопрос) организуют массовые избиения, наказывая многих невинных людей. И в этих условиях самозащитное поведение представителей подвластного этноса часто оценивается как предательство, но уже по отношению к завоевателям.

Все эти подходы применимы для анализа национально-освободительных движений народов, в том числе армянского народа против турецких оккупантов и поработителей. Ведь до сих пор турки “оправдывают” массовые избиения конца XIX века и геноцид 1915–1923 годов тем, будто армяне по предательски вели себя по отношению к турецкому государству во время первой мировой войны. Но никто не задает себе такого вопроса: **что значит предавать врага?** А разве нормально быть **преданным врагу?** Турок – враг армян, и каждый удар, нанесенный армянами по туркам – явный или скрытый, в лоб или в спину – является оправданным и единственно нормальным.

5) Во многих случаях в качестве защитного механизма этноса используется **преднамеренная покорность (смирность)**. Она, по существу, является **скрытой формой агрессии**. Этот механизм находит свое выражение как во взаимоотношениях с поработителями, так и в идеологии этноса. Так, в христианской идеологии страдание считается преддверью победы. Мы предполагаем, что это является сублимированной формой преднамеренного подчинения (покорности). Но и здесь важно отметить, что такое отношение к страданию – чисто мазохистическое.

Считается, что чем глубже страдание, тем более великой будет окончательная победа. Но никто толком не объясняет нам, какая существует причинная связь между страданием и победой. Известно, что немало людей добивается успехов и побед без особых страданий! И как может мазохист одержать победу и наслаждаться ею?

6) **Юмор и шутки тоже играют этнозащитную роль.** Нередко можно видеть, как представители притесняемых этнических групп издеваются над своими поработителями, манипулируя ими. Используя шутки и анекдоты, представители подчиненных этнических меньшинств добиваются **символической победы** над своими врагами. По-видимому, элементы этнозащиты следует искать также в выступлениях некоторых артистов – сатириков и юмористов, не принадлежащих к господствующей этнической группе. (Например, в России и США есть много артистов этого жанра еврейской национальности. Нельзя ли лучше понять искусство Аркадия Райкина при таком этнопсихологическом подходе?).

Но есть одна разновидность шуток, которая заслуживает особого внимания. Это тот случай, когда объекты шуток и издевательств сами становятся шутами: члены притесняемого этноса и вся их этническая группа. Любопытная вещь: анекдоты об этнических меньшинствах сочиняют, конечно, и представители правящего этноса, но большая их часть – результат творчества самих притесняемых. Например, у негров – много шуток о неграх, у евреев – о евреях и т. п. Есть предположение, что этим путем в определенной мере преодолевается чувство неполноценности и создается положительный я-образ личности. Но тут не

все так просто, как может показаться с первого взгляда. Дело в том, что необходимость и неизбежность длительного подчинения, исполнение роли жертвы, создает устойчивый мазохизм как у личности, так и у этнической группы. Шутки в свой адрес, издевательства над собственными недостатками, могут иметь двоякую функцию: а) **функцию самозащиты**: если я первым издеваюсь над собой, тем самым психологически разоружаю противника или недоброжелателя, заглушаю его агрессию. По-видимому, именно по этой причине доминирующая нация сочиняет сравнительно мало анекдотов о группах этнических меньшинств. Тут их логику, по-видимому, можно сформулировать следующим образом: “Если они сами подвергают себя агрессии, то наша агрессия уже излишня”; б) это самоиздевательство, а также другие разновидности направленной на самого себя агрессии – выражения мазохизма. Они вызывают улыбку и смех, следовательно причиняют **мазохистическое удовольствие**. Анализ антиармянских и антиеврейских анекдотов, сочиненных, соответственно, армянами и евреями, показывает справедливость такой концепции. Тут, конечно, следовало бы привести примеры и проанализировать, однако за неимением места мы этого делать не будем. Но следует сказать, что с этих позиций следует проанализировать как анекдоты и агрессивные изречения разных народов, так и их сатирическую и юмористическую литературу, ругательства (конвективы), другие плоды народного творчества. Об этом аспекте нам еще предстоит короткий разговор.

7) Одним из интересных защитных механизмов этносов является **принятие и исполнение необычных, странных ролей**. Это явление мы наблюдаем в поведении как индивидов с низким социальным статусом, так и социальной группы и этнического сообщества. Например, социометрические исследования показали, что члены групп с низкими статусами изолянтов и отвергаемых нередко берут на себя роли профессиональных рассказчиков анекдотов, клоунов. Главный мотив выбора таких ролей – желание привлечь к себе внимание⁷⁸. Это компенсаторное поведение.

Есть ли подобные явления на уровне этнических групп? Внимательное наблюдение показывает, что есть, причем подобных ролей немало. Так, в среде притесняемых, поработанных народов есть люди, которые берут на себя роль сумасшедших. Наподобие Фальстафу, они выполняют роли идиотов для того, чтобы выжить и вслух сказать несколько истин, которые для нормального человека сказать опасно.

Т. Шибутани и К. Кван, обсуждая данный вопрос, приводят пример представителей самой низкой касты в Индии – **неприкасаемых**, которые, как и негры, маскируют свой гнев под личиной сумасшедшего (клоуна, мимоса). Играя такие роли, они даже приобретают ряд таких благ, которые недоступны другим людям. Это маска, которую швыряют в сторону, когда такие люди оказываются лицом к лицу с членами своей этнической или кастовой группы⁷⁹.

Такие же роли выполняют цыгане, юродивые в России и представители других социальных, расовых и этнических меньшинств. Все они, эти странные роли, по нашему мнению, имеют еще одну общую особенность: **они играют мазохистические роли**. Выполняя их, человек добровольно ставит себя в состояние отвергаемого, презируемого, становится объектом насмешек и т. п. Это не просто само-агрессия. Это позиция добровольной жертвы, которая вызывает на себя агрессию других.

⁷⁸ См.: Коломинский Я. Л. Психология детского коллектива. Минск, 1984.

⁷⁹ См.: Shibutani T. and K. M. Kwan, Op. cit, p. 305.

§ 3.4. Этнозащитные механизмы в художественном творчестве преследуемых народов

Защитные тенденции и работу этнозащитных механизмов можно видеть и в результатах художественного творчества притесняемых, гонимых народов и этнических меньшинств. Творческая работа дает возможность человеку выражать ряд защитных тенденций, мотивы и механизмы. Психологический анализ художественной литературы является одним из многообещающих путей познания психического склада и характера той нации, представители которой создали ее. Причем, имея в виду ориентированность художественной литературы на личность и межличностные отношения, мы считаем, что ее анализ обещает принести богатые знания об этнозащитных механизмах. В этнической психологии уже проведены некоторые исследования такого рода.

Художественная литература описывает человека, его типы, и очень полезно знать, **в какой мере они стереотипны** (т. е. писатель осознает и описывает тот стереотип, который уже есть у этой нации), и в какой – результат творческой работы воображения, идеал, который хотел бы видеть воплощенным среди представителей своего народа, и хотел бы **внедрить** свой идеал в жизнь. Недаром путем анализа художественной литературы разных писателей и народного творчества, некоторые западные исследователи пытаются составить себе представление о национальной психологии русского⁸⁰ и других народов⁸¹.

Литература протеста тоже в основном имеет защитную природу – мотивацию и содержание. Исследователи в этой связи упоминают шедевр чешской литературы – роман Я. Гашека “Приключения бравого солдата Швейка”, в котором пером сатирика и юмориста описываются европейские армии, изображаются карикатурные образы эксплуататоров и т. п. Из подобных произведений многое можно почерпнуть для развития теории фрустрации и психологической защиты, а также социальной и этнической психологии.

Существенная часть европейской литературы – литература протеста. Негритянская литература США тоже в основном выражает протест против рабовладения и неравенства. Причем жалобы притесняемых в таких литературных произведениях нередко выражаются явно, но во многих случаях – замаскированно. Вообще искусство любого народа представляет интересный материал для этнопсихолога.

§ 3.5. Атрибуция и ее разновидности

Значительное место в межэтнических отношениях и в процессах этнической самозащиты занимает механизм атрибуции, различные ее проявления. Поэтому в данном параграфе мы представим основные данные об этом психологическом явлении, после чего ознакомимся с той ролью, которую она играет в этнозащите.

А. Общая характеристика атрибуции

Когда мы наблюдаем поведение другого человека, у нас возникает желание знать, **кто** этот человек, **что** он из себя представляет как личность и **почему** действует именно так, а не иначе. Но в повседневной жизни, особенно если мы по характеру своей работы встречаемся со многими людьми, у нас нет ни времени, ни возможности и даже желания как следует

⁸⁰ Такая, правда, неудачная попытка предпринята, например, в следующей книге: Ранкур-Лаферрьер Д. Рабская душа России. Проблемы нравственного мазохизма и культ страдания. Москва, Арт-Бизнес-Центр, 1996.

⁸¹ См.: Benedict R. The Chrysanthemum and the Sword. Patterns of Japanese Culture. Boston, 1946.

разобраться во всех этих вопросах. Но поскольку какое-то объяснение хотелось бы иметь, у нас в психике начинает спонтанно работать особый механизм, получивший название **атрибуции**, т. е. **приписывания** объекту каких-либо свойств и мотивов⁸².

Так, для понимания поведения человека, которого мы наблюдаем или о ком мы получаем информацию, мы приписываем ему определенные причины или мотивы и начинаем “объяснять”, почему он так поступает. Иногда подобные объяснения могут оказаться близкими к истине, но чаще всего они ошибочны в силу отсутствия у нас достоверной информации и по той причине, что сам процесс атрибуции имеет ряд характерных особенностей, делающих такие ошибки почти неизбежными.

Насколько нам известно, до сих пор нет четкого понимания того, чем отличается атрибуция от механизма **проекции**, которая, как хорошо известно, является одним из самых распространенных защитных механизмов. Как мы увидим в дальнейшем, проекция имеет место, когда фрустрированный человек видит свои отрицательные черты (способствовавшие его фрустрации) и в других людях. Он проецирует эти свои черты на других и этим защищает свою психику, свое “я” от новых фрустраций. Если, например, человек убежден, что какой-либо недостаток (например, лживость, гиперсексуальность) присущи не только ему, но и другим, этим он утешается и уже не рассматривает себя в качестве особого, исключительного человека – носителя этих пороков.

Парадокс, однако, состоит в том, что во многих случаях, приписывая другому человеку свою отрицательную черту, человек перестает видеть ее в себе, таким образом создавая свой искаженный я-образ, а также искаженный образ другого. Затем он начинает действовать так, как будто этот человек имеет приписываемую черту, а сам он свободен от нее. Ясно, что такое поведение чревато конфликтами, несправедливостью и другими отрицательными последствиями.

Мы считаем, что **проекция является частным случаем атрибуции**. Если атрибуция включает все случаи приписывания другим людям различных черт и мотивов, то при осуществлении проекции приписываются лишь свои, и то преимущественно отрицательные черты и мотивы.

В социальной психологии создана теория **атрибуции**, в рамках которой раскрывается природа той повседневной, любительской психологии, которой люди руководствуются в своей обыденной жизни, когда стараются понять поведение людей, да и свое собственное поведение. Эта любительская психология иногда полезна, иногда же отличается непоследовательностью. Бывает, что, приписывая другому определенный мотив поведения, люди не довольствуются единичным наблюдением и стремятся выяснить, не повторяются ли какие-либо формы его поведения. Наши ответные действия на воздействия других в значительной мере обусловлены тем, какие причины мы им приписываем.

Б. Разновидности атрибуции

В зависимости от того, что приписывается другому, различают три основных разновидности атрибуции: а) атрибуция черт и качеств; б) атрибуция причин или мотивов поведения (каузальная атрибуция); в) диспозициональная атрибуция. Вкратце рассмотрим эти явления.

а) **Атрибуция черт и качеств**. Когда мы наблюдаем поведение человека и воспринимаем его внешний вид, некоторые его качества, особенно внешность, бросаются в глаза. Однако не все качества, тем более психологические, доступны непосредственному восприя-

⁸² См.: Weiner B. An attributional theory of motivation and emotion. New York: Springer Verlag, 1986; Jones, E. E., Kanouse, D. E., Kelley, H. H., Nisbett, R. E., Valins, S. and Weiner, B (Eds.). Attribution: Perceiving the causes of behavior. Morristown (N. J.): General Learning Press, 1972.

тию. У человека имеются сотни черт характера и темперамента, которые не видны и о которых мы можем судить лишь на основе **интерпретации** его внешнего вида, поведения, деятельности и ее результатов и т. п. Вот в этих случаях, когда человек, воспринимая другого, должен решать психологические задачи, касающиеся его черт, он и непроизвольно включает в дело механизм атрибуции: на основе информации о внешних чертах и особенностях поведения приписывает человеку целый ряд черт характера и темперамента. Он по существу совершает логические (или алогические, психо-логические) выводы о том, что за человек перед ним. Это очень распространенное явление в межличностных отношениях.

б) Каузальная атрибуция. Наблюдая поведение человека, мы бы хотели знать, что побуждает его действовать таким образом, а не иначе, каковы его мотивы, чего он хочет добиваться этим путем. Только по внешнему поведению человека очень трудно правильно судить о его мотивах: мотивы, причины, побудительные силы поведения, как психологические реальности, тоже недоступны непосредственному чувственному восприятию. Поэтому мы должны делать выводы о причинах поведения человека. Вот в этом процессе мы невольно и прибегаем к помощи механизма каузальной атрибуции. Чтобы как-то понять причины поведения другого, мы приписываем ему определенные причины. “Понимание”, достигнутое таким путем, иногда бывает близким к истине, но чаще всего создает искаженное представление о мотивах поведения человека. Так или иначе, этот процесс используется людьми очень часто и лежит в основе наших ответных действий на поведение других людей.

в) Диспозициональная атрибуция. Это, практически, частный, но очень важный случай каузальной атрибуции. Диспозиция или установка – важное социально-психологическое образование личности, причина поведения, внутренний мотив. Установки содержат отношение человека к себе, к другим людям, к политическим органам и организациям, к лидерам, различным событиям, происходящим в обществе. Мы бы хотели знать, каковы социальные установки людей, с которыми нам придется иметь дело, сотрудничать или соперничать. Но не всегда возможно спрашивать их об этом, да и не все готовы откровенничать о своих отношениях. Есть еще одна причина, затрудняющая получение точной информации об установках людей: они сами не всегда четко осознают собственные установки. Вот в подобных случаях, не имея возможности узнать, что думают люди о том или ином явлении и как к нему относятся, мы начинаем приписывать им разные установки и таким путем достигаем некоего “понимания”. Такое понимание, как нетрудно догадаться, нередко бывает иллюзорным.

Есть и другие разновидности атрибуции, о которых мы здесь скажем лишь вскользь. **Самоатрибуция** – это психический процесс, с помощью которого человек сам себе приписывает определенные, чаще всего желательные, положительные черты и таким путем добивается “самопонимания”. Встречаются все описанные разновидности самоатрибуции – атрибуция себе черт, причин поведения и установок. О **ситуативной атрибуции** говорят тогда, когда человек приписывает определенные особенности не людям, а тем ситуациям, в которых они действуют. Хотя объективные ситуации представляются понятными, однако на самом деле одну и ту же ситуацию разные люди воспринимают по-разному. Например, если человеку предстоит выступить с речью перед большой и недружелюбной аудиторией, то его восприятие аудитории может резко отличаться от восприятия постороннего наблюдателя или от восприятия людей, составляющих эту аудиторию.

Исследуя проблему разновидностей атрибуции, мы пришли к выводу, что следует выделить по крайней мере еще две разновидности этого психического механизма, а именно: а) атрибуция для себя и б) атрибуция для других. Мы имеем в виду то обстоятельство, что когда человек совершает атрибуцию, он исходит из каких-то своих мотивов, пусть эти мотивы большей частью являются подсознательными. Иногда эти мотивы являются эгоцентричными: человек приписывает другому определенные черты и мотивы для того, чтобы

удовлетворить какую-либо свою потребность, например, агрессивное желание. В других же случаях мотив процесса приписывания может быть альтруистическим: человек, сопереживая с другим, приписывает ему определенные черты и потребности, после чего действует в соответствии с этими атрибуциями. В таких случаях под атрибуцией следует искать присутствие механизма психологической **идентификации** (отождествления) с другим человеком. Совершая атрибуции ради другого человека, мы обычно стараемся оказать ему психологическую помощь.

В. Основные ошибки атрибуции

Каждый человек, до того, как начать данный акт социального восприятия (т. е. восприятия отдельных людей или социальных, в том числе этнических, групп), уже имеет целый ряд **предубеждений** (предрассудков). Он их приобрел в процессе предыдущего своего развития, они закреплены в его памяти и подсознательно влияют на все аспекты его активности, в том числе на восприятие и понимание людей. Из системы предубеждений человека выделяют отдельный класс – **атрибуционные предубеждения**.

Сущность этой разновидности предубеждений состоит в том, что **люди предпочитают определенные типы объяснений** во вред или в ущерб другим возможным объяснениям. Например, человек убежден, что в одинаковых ситуациях другие люди будут вести себя так же, как ведет себя он сам. Исходя из этого убеждения он и составляет свои предвидения. Кроме того, очень распространено мнение, что если обстоятельства не меняются, не меняется и поведение других людей.

Ошибки атрибуции встречаются очень часто. Рассуждения людей могут быть ошибочными по нескольким причинам: а) в памяти каждого человека некоторые сведения более доступны для воспроизведения и использования, чем другие. А иногда необходимых сведений вообще не бывает в памяти человека; б) по причине того, что человек усвоил целый ряд ошибочных предположений о явлениях и событиях; в) на восприятие и понимание людей и групп отрицательное влияние оказывают также наши готовые теории и ожидания. В социальной психологии различают два основных вида предубеждений атрибуции: а) основную ошибку атрибуции и б) предубеждение типа актер-наблюдатель (зритель). Имея в виду широкие возможности использования знания об этих видах ошибок атрибуции в этнической психологии, вкратце рассмотрим их.

1) **Основная ошибка атрибуции**. Наблюдая поведение другого, было бы правильно остерегаться от поспешных выводов, но люди часто не сдерживают себя и спешат делать выводы о его чертах и мотивах, будто бы определяющих его поведение. Одновременно игнорируются многие факторы среды, в которой действует человек. Вследствие этого неудачи человека обычно приписывают его личностным качествам, а не неблагоприятным условиям его жизни.

Таким образом, **основная ошибка атрибуции состоит в том, что люди систематически переоценивают личностные причины, мотивы и установки личности и недооценивают ситуационные воздействия, которые часто бывают очень мощными**.

Почему люди допускают такую фундаментальную ошибку? Исследователи отмечают ряд причин: а) недостаток, нехватка информации: наблюдатель может просто не знать те нормы и другие факторы, которые в данной ситуации влияют на человека; б) обладание определенной “идеологией”, а именно: люди склонны считать, что каждый несет личную ответственность за свои действия; в) особенности восприятия: для наблюдателя действующее лицо на данном фоне является центральной фигурой, он выделен на нем, тогда как другие факторы нечетко воспринимаются; г) основная ошибка атрибуции отчасти обусловлена также психолингвистическими причинами: если в том языке, на котором думает человек,

есть больше слов для описания человеческой личности, чем ситуаций, то это тоже может создать смещение к допущению основной ошибки атрибуции⁸³.

Очевидно, что если язык оказывает влияние на восприятие и атрибуцию, то мы уже находимся в области проблематики этнопсихологии и можем поставить более широкий вопрос: каковы этнопсихологические особенности атрибутивных процессов и чем они обусловлены? В частности, какие особенности имеет основная ошибка атрибуции в различных этнокультурных средах? Какую роль в этих психических процессах играют национальные традиции, особенности речи и мышления, этническая символика и другие аспекты этнического склада нации?

Основная ошибка атрибуции наблюдается в самых различных ситуациях реальной жизни. Так, мы замечаем, что кто-то, толкая людей, стремится вперед, и сразу же делаем вывод, что это грубый человек, хам. А на самом деле он спешит на помощь кому-либо из близких, попавшему в беду. Но люди так склонны делать атрибуции, что трудно предотвратить этот психический процесс. Это закономерность нашей психической жизни.

Во время одного эксперимента, проведенного в США, испытуемым предложили послушать два выступления о расовых противоречиях. Один из ораторов выступил в роли сторонника расовой сегрегации, а второй – в качестве ее противника. Но испытуемым заранее было сказано, что ораторы неискренни и что у них нет другого выхода, они вынуждены сказать то, что говорят. Несмотря на это, слушатели не отказались от атрибуций и связывали излагаемые убеждения с личными чертами ораторов⁸⁴. Таких экспериментов уже проведено немало.

Таким образом, совершая основную ошибку атрибуции, люди допускают следующие три действия: а) недооценивают сильное влияние среды; б) переоценивают роль внутренних мотивов и установок; в) не согласовывают между собой требования исполнения роли с окончательной атрибуцией. Бывают, конечно, и отклонения от этого правила.

2) **Предубеждение типа “актер – наблюдатель”**. Процессы атрибуции имеют место и в том случае, когда человек объясняет причины своего собственного поведения. Выясняется следующее: когда мы наблюдаем поведение других людей, то его причины приписываем их личным качествам и внутренним мотивам, но когда наблюдаем сами себя в роли социальных актеров, тогда мотивы нашего поведения мы ищем в основном вне себя, во внешних обстоятельствах. Это явление называют предубеждением типа “актер-наблюдатель”⁸⁵.

Примеров этого типа предубеждения в реальной жизни – великое множество. Чаще всего этот механизм **самоатрибуции** используется тогда, когда человек **не понимает подлинные причины собственных действий**. Например, беседуя с другим человеком, индивид может переживать гнев, но затем, оглядываясь назад, удивляться: а почему я, собственно, сердился? За что?

⁸³ См.: Ross, L., The intuitive psychologist and his shortcomings. In: L. Berkowitz (Ed.), *Advances in experimental social psychology*. Vol. 10, New York: Academic Press, 1977; Nisbett, R. E. and Ross, L., *Human inference: Strategies and Shortcomings of social judgment*. Englewood Cliffs (N. J.), Prentice-Hall, 1980.

⁸⁴ См.: Jones E. E. and Harris V. A., The attribution of attitudes. “*Journal of Experimental Social Psychology*”, 1967, 3, pp. 1-24.

⁸⁵ См.: Jones, E. E. and Nisbett R. E., The actor and the observer: Divergent perceptions of the causes of behavior. In: E. E. Jones et al. (Eds.), *Attribution: Perceiving the causes of behavior*. Morristown (N. J.): General Learning Press, 1972.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.